

[Polaris]

БЛЮМ И РОЗЕН

АТОМ В УПРЯЖКЕ

Советская авантюрно — фантастическая
проза 1920 — х гг.

Том XI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXV

Salamandra P.V.V.

БЛЮМ И РОЗЕН

АТОМ В УПРЯЖКЕ

**Научно-фантастическая
повесть**

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XI

Salamandra P.V.V.

Блюм, Розен.

Атом в упряжке: Научно-фантастическая повесть. Пер. с укр. М. Фоменко. Илл. Я. Леуса (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XI). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 138 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXV).

Советский Союз, Германия, Индия и Китай подняли красные знамена, капиталисты отгородились от коммунистов стеной джаза, а тем временем ловкие комсомольцы, профессора с радиопередатчиками в цилиндрах и гениальные изобретатели с аэростатами в чемоданчиках вступают в борьбу за овладение тайнами атомного распада... Таков мир 1939 года в иронической повести неизвестного автора, впервые изданной в Харькове под псевдонимом «Блюм и Розен» за десять лет до описываемых событий. Повесть впервые переведена на русский язык.

© М. Fomenko, перевод, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

АТОМ

У ЗАПРЯЗІ

БЛЮМ І
РОЗЕН

НАУКОВО-ФАНАТАСТИЧНА ПОВІСТЬ

*

ЧАС ДІЇ — 1939 РІК. МІСЦЕ —
ЗЕМЛЯ, ВОДА Й ПОВІТРЯ РА-
ДЯНСЬКОГО Й КАПІТАЛІСТИЧ-
НОГО СУХОДОЛІВ. ДІЄВІ ОСОБИ:
ГЕНІЯЛЬНИЙ РАДЯНСЬКИЙ ВИ-
НАХІДНИК З НАДХНЕННОЮ
ЛАЙКОЮ, ВЕСЕЛА КОМСОМОЛ-
КА, ВПРАВЛЕНА ДЖІУ-ДЖИТ-
СИТКА, МІНІСТР ПОЛІЦІЇ, ЗА-
КОХАНИЙ У СВОЮ ПОЛОНЯН-
КУ, ГЕНРІ ФОРД — ЧЛЕН КАПІ-
ТАЛІСТИЧНОГО УРЯДУ — ТА
ІНШІ НЕВТОМНІ ЖИТЕЛІ ЩЕ
НЕВГАМОВАНОГО ВСЕСВІТУ.
ПОВІСТЬ ЗАКІНЧУЄТЬСЯ МУЗИ-
КОЮ, ХОЧ І НЕ ВЕСІЛЬНОЮ.
А ПОЧИНАЄТЬСЯ З ІСТОРІЇ ПРО
ТЕ, ЯК ЯКИЙСЬ... А ВТІМ ПО-
ЧАТОК ПОВІСТІ ЦІКАВІШЕ ПО-
ДАНО ДАЛІ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ

Я. АЕУС

АТОМ В УПРЯЖКЕ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ — 1939 ГОД. МЕСТО — ЗЕМЛЯ, ВОДА И ВОЗДУХ СОВЕТСКОЙ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СУШИ. — ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: ГЕНИАЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И ВДОХНОВЕННЫЙ СКВЕРНОСЛОВ, ВЕСЕЛАЯ КОМСОМОЛКА, ОНА ЖЕ ТРЕНИРОВАННАЯ ДЖИУ-ДЖИТСИСТКА, МИНИСТР ПОЛИЦИИ, ВЛЮБЛЕННЫЙ В СВОЮ ПЛЕННИЦУ, ГЕНРИ ФОРД — ЧЛЕН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА — И ДРУГИЕ НЕУТОМИМЫЕ ЖИТЕЛИ ЕЩЕ НЕУЧТЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ. ПОВЕСТЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ МУЗЫКОЙ, ХОТЯ И НЕ СВАДЕБНОЙ, А НАЧИНАЕТСЯ С ИСТОРИИ О ТОМ, КАК ОДИН... ВПРОЧЕМ, НАЧАЛО ПОВЕСТИ ИНТЕРЕСНЕЙ ИЗЛОЖЕНО НИЖЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

где вещи начинают исчезать с земли, что, однако, не вызывает удивления у кое-кого из действующих лиц

В ясный осенний день 1939 года к феодосийской пристани быстро подбежал невысокого роста, широкий в плечах человек в просторном парусиновом пальто. Он легко помахивал старомодным кожаным чемоданчиком, к которому была подвешена связка ключей. Волосы человека были растрепаны, и весь он казался чересчур суетливым и возбужденным.

— Эй, вы, каракатицы, морская водоросль! — нетерпеливо закричал человек. — Есть тут у вас какая-нибудь недоношенная калоша, что держится на воде? Мне нужно в Одессу! Эй, есть тут кто?

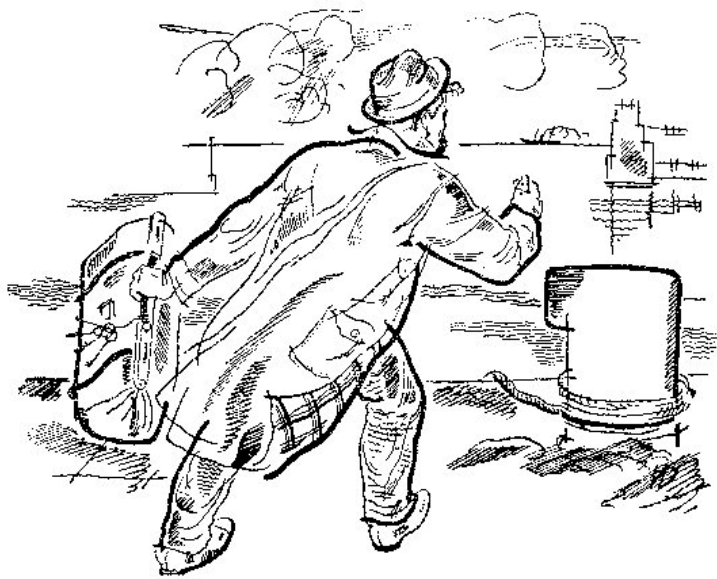
Сонное послеполуденное молчание пристани, переваживавшей свой обед, проглотило этот взволнованный возглас без каких-либо последствий.

— Тысяча броненосцев и тр-риста пропеллеров! — загремел человек. — Да выходите вы, чтобы вам промокнуть под ясным небом, чтоб вам лопухи жрать, чтоб...

— Что «чтоб»? — удивительно спокойно и медленно произнес голос откуда-то сверху, и распаленный незнакомец, задрав голову, увидел загорелого матроса, который сидел на мачте антенны. — Очень интересно вы, товарищ, выражаетесь, я бы с удовольствием послушал вас с полчасика, да вам, наверное, некогда, — продолжал матрос. — Вот и пароходик на Одессу отходит, во-он там — сверните там направо, славный пароходик, называется «Красин». Куда же это вы, товарищ, зачем так быстро?..

Но незнакомый, подобрав пальто, уже бежал к грязному торговому пароходику, на котором как раз снимали сходни.

Быстро и ловко, как вор, взобравшись на палубу, незнакомец купил билет и начал осматривать новую обстановку. Пароходик, груженный огромными тюками прессованного сена, казался пустым. Только матросы деловито пробегали туда и обратно, и еще кто-то в красной турецкой феске медленно бродил между сеном и скотом на корме.

Подбежал невысокого роста человек...

Улучив минуту, когда вокруг никого не было, незнакомец поспешно взбежал по тюкам сена на самый верх кучи, прислонился к мачте и оглянулся. Феодосийская пристань, медленно поворачиваясь боком, плыла назад. Но она уже не была такой пустой, как раньше. Группа людей, судя по всему, что-то живо обсуждала, размахивая руками и показывая на пароход. Заметив это, незнакомец сразу перекатился за мачту, но и оттуда увидел, что с оконечности длин-

ной косы мола какой-то юноша в купальном костюме пристально глядит в его сторону.

«Эх, зебрины дети, ловушка!» — подумал он и быстро упал на сено. Но и тут он не терял времени даром и, открыв чемоданчик, начал копать в нем. Содержимое чемоданчика напоминало своим разнообразием лотерейные призы. Целая груда коробок с какой-то стеклянной и никелевой утварью рядом с множеством носовых платков, записных книжек, лямок и ремней, разбросанные повсюду куски сахара — все это лежало в невероятном беспорядке, очевидно, все же привычном для незнакомца. Внезапно он нашарил аккуратненькую коробочку из-под сигарет. Сигарет, однако, в коробочке не было. В ней находился приемник и десяток маленьких, как наперстки, катодных ламп. Бережно приладив их и раскрыв зонт, служивший антенной, незнакомец прицепил один провод к зонту, а второй бросил за борт, где железная обшивка парохода должна была обеспечить заземление.

Затем, надев на уши наушники, начал настраиваться.

Послышался глухой шум, похожий на шум огромного далекого завода. Чтобы понять причину этого шума, надо представить себе, каким стал мир к 1939 году.

К тому времени героическая страна Советов, которая впервые подняла флаги социалистической революции и прежде называлась Россия, обзавелась союзниками. К ней присоединились огромные Индия и Китай и, наконец, совсем недавно — Германия. И чем грозней становился шаг грядущих братских революций, тем сильнее и хитроумней цеплялся капитализм за свои еще не разрушенные позиции. Лига Наций создала Парламент мира, заседавший на острове Новая Зеландия. Этот парламент окружил себя непробиваемым панцирем военной силы, а на повестке дня заседаний стоял только один вопрос — защита от социализма. Самые известные юристы корпели над законопроектами гражданского мира, лучшие писатели, драматурги, киносценаристы развлекали читателя веселыми или трогательными приключениями своих добродетельных героев, армия знаменитых ученых в богатейших лабораториях

из стекла и камня снабжала изобретениями промышленность и оборону и, наконец, над всеми, на недостижимой скале, днем и ночью работал Кабинет военного дела и мирового шпионажа, который, пряча свои когти, рассылал тайные приказы по всему государственному организму буржуазии.

Последним мероприятием Кабинета был радиораздел мира. Радиопередатчикам капиталистических стран было строжайше запрещено слать волны короче определенной длины. Повсюду вокруг границ Советского Союза на различной высоте плавали громадные аэростаты — передающие радиостанции, — и какофонией джаз-банда образовывали своего рода шумовую стену, не пропускавшую звуки человеческой речи.

Этот шум и услышал незнакомец, который настроил приемник на волну Нью-Йорка и Веллингтона (столица Новой Зеландии). Погрозив кулаком на юг, он сказал:

— Мы еще повоюем! — и, перенастроив приемник на волны Союза, — начал прислушиваться.

Знакомый всему Союзу голос — каждодневно один и тот же баритон официального радиоцентра — извещал об очередных сенсациях.

— Алло, алло, алло! Радиограмма третья! Чрезвычайное, невиданное и до сих пор непонятное событие! — восклицал баритон. — Сегодня в четыре часа дня здание бывшего английского посольства в Москве исчезло без следа, растаяло на глазах очевидцев. На месте, где был дом, сейчас виден голый четырехугольник слегка обожженной земли. Немного пострадал сад — деревья засохли и лишились отличительного окраса. На листьях появились странные вырезы. Были ли в доме люди, выяснить не удалось. К следствию привлечены известные научные силы, однако явление до сих пор никто не может объяснить. Есть гипотезы о бесшумном взрыве, невидимом пожаре, массовом гипнозе и т. д. Снова появились давно забытые подпольные секты, которые распространяют слухи о конце света и начале войны. Сегодня вечером состоится экстренное собрание Ученого Совета следственной экспертизы.

Это сообщение, очевидно, привело незнакомца в хорошее настроение, и пробурчал какую-то невнятную мелодию на свой постоянный мотив — тара-тара-тири, — а тем временем продолжал слушать.

— Алло, алло, алло, радиограмма четвертая! Спешите слышать, спешите видеть! Сегодня в шесть вечера в Берлинском цирке известный дрессировщик-ветеран Владимир Дуров будет демонстрировать говорящую обезьяну. Спешите видеть! Волна экрана длиной...

Но незнакомец уже прокручивал, искал другие волны, поспешно занося что-то в записную книжку.

Однако и эти волны, судя по всему, не удовлетворили незнакомца. Всякий, кто увидел бы, как он сморщился, услышав лучшее в Союзе сопрано, подумал бы, что он принципиальный и убежденный враг музыки.

Еще больше возмутила его последовавшая за сопрано сводка из центрального бюро потребления.

— Радиоразбойники!.. — рассердился было незнакомец, но вдруг услышал разговор, который сразу же его успокоил.

— ...Понимаете, профессор, — продолжал женский голос, — Журавлев ушел еще позавчера со своими записями и аппаратами, и немедленно после этого в его квартиру зашли трое прилично одетых граждан и сказали, что они хотят оставить записку. От них пахло хорошим одеколоном, профессор, и старший из них все время курил сигару и волновался, — это было видно по тому, как он крутил на пальце кольцо с рубином.

Журавлев три дня не являлся домой, и я решилась зайти в его комнату, чтобы прочитать записку, оставленную посетителями. Но записки в комнате не оказалось. Исчезли и некоторые другие вещи, которые были в комнате перед тем, как туда заходили неизвестные. Пропал большой бурый камень, лежавший у Журавлева на столе вместо пресс-папье, затем папка со старыми чертежами и фотографическая карточка...

«Подлецы!» — гневно подумал незнакомец и поправил наушники: слова долетали до него как-то приглушенно. Но и после этого голоса не стали слышнее.

Теперь заговорил профессор. Голос его был скрипуч и сладок.

— Дорогая моя, — сказал он, — не предупреждал ли вас квартирант, что собирается уехать, не назвал ли вам адрес кого-нибудь из своих приятелей, с кем иногда работал?

— Конечно, как же, — ответила женщина («Ослица!» — пробормотал незнакомец). — Дмитрий Феоктистович время от времени звонил нам и говорил, что работает у...

Здесь в разговор вмешался новый, задорный и задиристый голос подростка.

— Подожди, мама. Во-первых, товарищ профессор обещал мне сказать, почему он так интересуется исчезновением Дмитрия Феоктистовича. Что такого сделал наш Дмитрий Феоктистович?

— С удовольствием, молодой товарищ, — отозвался профессор, — но мой пропавший ассистент известен мне, в основном, как ученый-исследователь, и поэтому я должен буду становиться на нашей общей сфере. Мы, молодой товарищ, изучаем атом и его строение. Вы знаете, что такое атом?

— Наименьшая частица вещества, — не вполне уверенно ответил молодой голос.

— Верно, хотя и наполовину, — сказал профессор. — Атом — это наименьшая частица не всякого вещества, а так называемых простых тел. Возьмем, к примеру, воду. Наименьшая ее частица такая маленькая, что в капле могут поместиться миллиарды миллиардов подобных частиц (около 2.000.000.000.000.000.000) — это молекула. Молекула, в свою очередь, особым образом — химически — составлена из частиц иных веществ, совершенно не похожих на воду — газов водорода и кислорода. А вот мельчайшую частицу водорода и кислорода уже никак нельзя разложить на частицы каких-либо иных веществ: она химически не дробится, мой юный друг. Это и есть атом. Таких химически неделимых веществ во всем мире около девяноста. Из них в разнообразнейших соединениях и состоят все вещи и на Земле, и на Луне, и на Солнце — везде и всюду.

— Как же это?

— А так, как из 29 букв нашего украинского алфавита мы можем составить миллионы разных слов. Но, дорогой мой, — вдохновенно скрипел профессор, — оказалось, что и атом можно раздробить. Оказалось, что атом — это не простые кирпичики, из которых построены все формы материи. Напротив, именно в этих кирпичиках и происходят самые мощные процессы. Их жизнь, можно сказать, деятельнее, чем жизнь органического мира, который мы видим, чем жизнь нас с вами, вашей мамы или, например, моего пропавшего ассистента — надеюсь, он жив.

— Надеюсь и я, — пробормотал незнакомец, внимательно слушая.

— Эту жизнь ученые впервые заметили лет сорок назад. Так, в те годы, когда я был, — голос профессора зазвучал мечтательно, — молодым гимназистом, наука открыла замечательный металл радий. Радий — по-латыни означает — луч. Выяснилось, что этот металл, а добыто его было очень мало, постоянно испускает лучи. Лучи были нескольких видов. И самое замечательное в том, что, как оказалось, они состоят из мельчайших частиц атома...

— Значит?..

— Совершенно верно, — неизвестно на что ответил профессор, — значит, атомы сами из чего-то состоят.

— Из чего?

— Из электрических сил, из электрической заряженной материи. Да, да — не делайте такое удивленное лицо, мой друг. Вы наверняка знаете, что существуют, так сказать, два типа электричества...

— Положительное и отрицательное...

— Говоря грубо, да. При этом положительное тяготеет к отрицательному и наоборот. А одинаковые электричества отталкиваются друг от друга. Вот и выяснилось, что атомы состоят из положительных и отрицательных электрических зарядов. Внутри атома — в таинственных глубинах вещества — есть так называемое ядро, состоящее из положительных электрических зарядов. И здесь, запомните это, молодой человек, это — основа современной науки о веществе — от числа зарядов в ядре зависит, какое простое

тело мы имеем. В ядре атома водорода, легчайшего из всех газов, каким в старину надували воздушные шары, всего один заряд. В ядре атома второго легкого газа, которым теперь наполняют аэростаты, потому что этот газ не возгорается, — в ядре гелия — два заряда. В ядре... — и тут профессор, неожиданно изменив голос, спросил: — Это что у вас?

— Пуговица, — с явным недоумением ответил юноша.

— Какая?

— Медная, — так же удивленно произнес он.

— Так вот, — подхватил профессор, — медь также простое тело, и в ядре атома меди имеется уже двадцать девять электрических зарядов. Но, молодой человек, атом состоит не только из ядра. Вокруг положительно заряженного ядра вращаются отрицательные заряды электричества, так называемые электроны. Они крутятся очень быстро и потому, вовлеченные в это вращение, не притягиваются к ядру. Не напоминает ли вам что-нибудь это ядро с электронами, мчащимися вокруг него?

— Зе-землю...

— Скорее Солнце, молодой товарищ. Солнце, наименьшую солнечную систему. И нам удалось не только представить себе эти новые солнечные системы — атомы, но и измерить, исчислить их. Известны вес, размеры и заряды электронов и ядра, начерчена орбита движения электронов. Но все же науке, с присущей ей откровенностью и скромностью, — тут голос профессора зазвучал трогательно и грустно, — приходится признать, что она не сумела извлечь почти никакой практической выгоды из своих знаний о строении атома. Я и мои помощники, среди них и ваш квартирант, решили продолжать работы некоторых ученых прошлого в этом практическом направлении. Журавлев под моим руководством кое-чего добился, и мне было бы досадно видеть эту работу незавершенной...

— Ну спасибо, признал, — сказал о себе незнакомец и еще веселее, чем прежде, запел: — Тара-тара-тири...

— Да, мне досадно было бы видеть ее незавершенной, — повторил голос профессора. — Дело в том, что Журавлев

воспользовался одним моим опытом, который заключался в том, что...

«Пошел врать», — подумал незнакомец и с внезапно усталым видом снял наушники. Однако голоса не исчезли, а зазвучали еще громче.

— Что за р-радио, р-рак ему так! — удивленно сказал незнакомец и вышел из-за мачты.

Прямо перед ним, вырисовываясь четкими силуэтами на прозрачном небе, стояли три фигуры — хозяйка, ее сын и профессор. Стояли и смотрели на него широко раскрытыми от удивления глазами.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где компания чуть не распадается в связи с разногласиями принципиального характера

Молчание было прервано сразу с трех сторон.

— Дорогой ученик!..

— Дмитрий Феоктистович!..

— Вот так ловко!.. — воскликнули одновременно, но с разной степенью воодушевления, профессор, соседка и Борис.

— Эх я, куриная родня! — громко вздохнул на это Дмитрий Феоктистович, но, приподняв с изысканной вежливостью шляпу, уселся на тюк сена и устало сказал: — Ну, здравствуйте, чем могу служить?

— Ах, дорогой Дмитрий Феоктистович, — радостно приближаясь и хватая Журавлева за руку, заговорила соседка — маленькая круглая женщина, — как вы сюда попали? Если бы вы знали, как взволновало нас, особенно профессора, ваше исчезновение...

— Действительно, дорогой ученик, — подхватил профессор, — если бы вы только знали!.. — и продолговатое лицо его с вытянутым носом легавой собаки приняло любезно-смущенное выражение.

Журавлев медленно и внимательно осмотрел всех троих, затем внезапно вскочил, побежал за тюки и через несколько секунд вернулся, держа в руке чемоданчик.

— Итак, — сказал он торжественно, но постепенно загораюсь гневом, — дорогой учитель и вы, Мария Григорьевна, я вправду не знал, как взволновал вас мой отъезд, и не ожидал встретиться здесь, на пароходе. Поэтому позвольте и мне, в свою очередь, поинтересоваться, выражаясь научным языком, проблемой вашего здесь пребывания... три тысячи резонаторов!..

— Счастливое совпадение, счастливое стечение... — заговорил был профессор, но его перебил Борис, который покраснел во все свое открытое веснушчатое лицо шестнадцатилетнего взрослого и вмешался в разговор.

— Дмитрий Феоктистович, — сказал он напряженным голосом, — это погоня, и виноват я. Это я разболтал маме, а потом и товарищу профессору, что вы собирались лететь за границу через Турцию. Вы сами мне говорили об этом два года назад. Но все же, — задиристо продолжал он, — я себя виновным считать не могу. Профессор сказал, что вам может грозить опасность, и я решил, что смогу помочь отыскать вас.

— Напрасно, Борис, — уже успокоившись, совсем мягко сказал Журавлев, — я бы сам лучше всех справился. Но, раз мы уже встретились, могу сообщить, что лететь за границу я в самом деле собирался через Турцию, страну, ближе других подошедшую к восстанию против Штатов. Месяца два назад мне сообщили об исследованиях в области расщепления атома, которые тайно проводятся в Новой Зеландии. Вы, дорогой учитель, — промолвил он с выразительной насмешкой, — прекрасно знаете, что эта тема меня интересует. Вот почему мы попали сегодня на борт нашего почтенного пароходика: я — из любопытства науч-

ного, вы, — и он поклонился, — из любопытства к моей персоне.

— Но, Дмитрий Феокистович... — запротестовал профессор.

— Ладно, ладно, — перебил его, вдруг раздражаясь, Журавлев, — об этом мы поговорим после... ддритль-фиртль, а я после перелета устал, как физиологический кролик, — пойду вздремну. Борис, подай мне чемоданчик, — и он быстро сбежал вниз, размахивая балахоном, как крыльями.

Мария Григорьевна, взволнованная таким невежливым исчезновением своего соседа, почувствовала головную боль и с заплаканным лицом также сошла вниз.

Профессор остался один.

Оглянувшись и быстро перебежав палубу, он снял цилиндр, делавший его высокую, сухую фигуру еще более сухой и высокой. Убедившись еще раз, что вокруг никого не видно, он отстегнул твердое, оклеенное материей дно цилиндра. Под этим замаскированным кружком показался ряд ячеек наподобие пчелиных сот. В каждой ячейке были аккуратно разложены различные металлические и фарфоровые инструменты.

Профессор сторбился, медленно подошел к стальному тросу, крепившему мачту к палубе и, проведя под цилиндром тонкую проволоку, прикрепил ее к тросу. Затем сел на бочонок, стоявший рядом, внимательно наклонил лицо к цилиндру и сунул в него руку. Со стороны можно было подумать, что он латает подкладку, на самом же деле он установил наисовременнейшую тайную передаточную радиостанцию, запустив простой пружинный механизм, соединенный с миниатюрной динамкой, подключил динамку к трансформатору и тихим, но отчетливым шепотом заговорил в скрытую в цилиндре трубку.

— 739, 739. Мельбурн, Крепость. Полковнику Вивичу. Говорит прожектор. Журавлев летит через Константинополь. Раскиньте сетку. Срочно!..

А тем временем внизу, в углу общей каюты, шла оживленная беседа между Журавлевым и Борисом.

— Ты, дорогой мой, дурак, хоть и хороший парень, — говорил Журавлев Борису, — ну разве не понятно, что этот самый мой «дорогой учитель» — хитрая полудохлая сколопендра, которая хочет выудить у меня мое изобретение? Ты только дай мне слово, настоящее честное слово комсомольца и будущего изобретателя, что всякие наши разговоры не просочатся за пределы твоей черепной коробки. Тогда я тебе кое-что расскажу, тогда, брат, мы с тобой заключим настоящий союз. Ну, даешь слово?

— Даю, — протянул сперва нерешительно Борис, потом встряхнул упрямой головой и, твердо сказав еще раз: — Даю слово, — протянул руку.

— Ну ладно, крысенок, — ласково сказал Журавлев и засмеялся.

Он смеялся добродушно, мягко и очень заразительно. Крепкие белые зубы жизнерадостно и ярко скрашивали его загорелое и всегда ворчливое лицо. Борис посмотрел на него, смутился, тоже засмеялся и приготовился слушать.

— Дело в том, — продолжал Журавлев, — что разговор, который я с грацией грузового автомобиля пытался поймать по радио в двух шагах от меня, — краб ему в карман! — имеет интересную предысторию. Профессор прав. Атом действительно напоминает солнечную систему. Но хуже всего в этом сходстве то, что до сих пор эти атомы остаются так же прочны, как и наш вертящийся мир. Ни Земля, ни Марс, ни Венера, ни другие товарищи из небесной карусели, несмотря на большую силу притяжения, не падают на Солнце, потому что сила вращения миллиарды лет гонит их по одним и тем же орбитам. Но эта огромная сила вращения не так уж велика, чтобы позволить любой из планет сойти с круговых рельс Солнечной системы и, вырвавшись, помчаться в мировое пространство. Нет, брат, Солнечная система уравновешена и живет по расписанию. Почти так же обстоит дело и с атомами.

— Что значит «почти»? — спросил Борис.

— Это «почти», — продолжал Журавлев, взяв Бориса за пуговицу, — и есть та самая щелка, через которую мы од-

ним глазом подсмотрели, что там внутри такого-растакого атома делается.

— Ну! — сказал нетерпеливо Борис.

— Тпру!.. — засмеялся Журавлев. — Не подгоняй меня. Профессор упоминал о ради. И радий, и еще несколько элементов с очень большим атомным весом: уран, торий, нитон¹ и т. д. имеют в своих ядрах очень много зарядов: радий — 88, а уран — самый тяжелый элемент — 92 заряда. И вот оказалось, что эти атомы с большим числом зарядов не очень-то устойчивы...

— Они распадаются!

— Тютелька в тютельку, парень, именно так: рас-па-да-ются. Один из англичан, Крукс, ухитрился даже увидеть это. Он поместил в стеклянную трубочку пластинку, покрытую каким-то соединением, которое начинало светиться, когда на нее попадали лучи радия. И в увеличительное стекло он увидел отдельные искры, отскакивавшие после того, как кусочки атомов радия ударяли в пластинку.

— Что же это за кусочки?

— Этими кусочками были ядра атома гелия, так называемые ядра-лучи. Они вылетали из радия. Количество зарядов в ядре атомов радия уменьшилось на число зарядов ядра гелия, то есть на два. Вместо радия возник новый элемент с числом зарядов 86 — газ нитон. Но беда, дорогой мой, — сказал Журавлев, — состоит в том, что такой распад бывает только у очень тяжелых элементов, и происходит он очень и очень медленно!..

— Так что же, — немного сердито перебил Борис, — значит, вы хотите разрушить материю, что ли?..

— Нет, мой дорогой, — ответил, увлекаясь, Журавлев, — наша задача заключается не в том, чтобы разрушить эту самую систему, — это только предпосылка, — а в том, чтобы, разрушая, добыть неисчерпаемые источники энергии из глубин самой материи, запрячь эти силы для нужд человека. Ведь количество энергии в этих системах, вращающихся с невероятной скоростью, так велико, что если нам

¹ Устаревшее название радона (*Прим. перев.*).

удастся ее добыть, вся погоня за энергией, за углем, нефтью, ветром, паром, солнцем, чертом в ступе — все это забудется за год. В технике произойдет величайшая из революций.

Уже четверть века ученые бьются над секретом получения энергии из атома, над тайной расщепления материи. Еще четверть века назад английский ученый Резерфорд бомбардировал газ азот лучами радия. И что же оказалось? Оказалось, что ядра азота не выдержали этой бомбардировки. Сила, с которой лучи радия ударяли в азот, была так велика, что из ядра азота вылетал соответствующий заряд, который являлся атомом водорода.

Значит, дорогой мой, нам надо каким-то образом выбить атом из равновесия. И здорово выбить, чтобы не дать ему опомниться, чтобы заставить его распасться.

А для того, чтобы вывести атом из равновесия, самое главное — это пробить броню вращающихся электронов, выстрелить зарядом по ядру и тем самым вырвать из ядра такое количество необходимой энергии, что заставит распасться остальные части атома.

Профессор хочет использовать для этого так называемое излучение Милликена, потоки энергии из неизвестных нам источников мирового пространства. Действительно, кое-какие лучи имеют такую грандиозную пробивную силу, что могут лупить через космическое пространство по нашей Земле. Но поймать эти лучи за хвост профессору до сих пор не посчастливилось, хотя он и прибег для этого к очень интересным фокусам, которые принесли ему славу и много хлопот. Я признаю за этими опытами большое научное значение, но сам иду другим путем.

— Каким? — перебил взмокнувший от усталости Борис.

— Не спеши, сынок, — медленно ответил Журавлев, — не лезь поперек батька в пекло... Знаешь ли ты, что такое промышленная физика? Что такое заводы-лаборатории, где процесс исследования — производство? Нет, дорогой, не знаешь. А это, уважаемый друг, путь, на котором и настоящие ученые не очень-то ищут, зато находить могут и лентяи средних способностей. Я работал на таком заводе

над изоляторами для токов высшего напряжения, и тогда-то, брат, после долгих сомнений и опытов я решил, что мы не будем бомбить атом лучами с небес, а выставим против него электротехнику.

Будет время, я расскажу тебе, как я работал над снарядом, который должен пробить броню упрямейшего из моих знакомцев — треклятого атома. Сейчас я могу только сказать, что снарядик у меня получился, хотя работы я еще не закончил. И — трри тысячи чертей и один громкоговоритель! — сведения о моем снарядике неизвестными путями проникли за границу. Три дня назад мне прислали предупреждение — либо продай изобретение, либо сообщи свой адрес в московский крематорий, не забыв написать завещание в пользу троюродной бабушки.

Ну, мне ни то, ни это не нравится. Я предпочитаю твое общество и веселенькую возможность повоевать и с атомами, и с вислухими иностранцами. А кроме того — и это главное — мне позарез нужно съездить, как говорили десять лет назад, в заграничную командировку. У этих капиталистических каналов в Новой Зеландии есть замечательные заводики, где изготавливают неимоверно стойкие изоляторы. И я во что бы то ни стало должен похитить секрет их изготовления. Не то проклятые буржуи (он сделал ударение на «и») могут опередить меня — чтобы им подавиться разбитой лампой! — на пороге успеха. Так я очутился на этом пароходике. Вот тебе, вкратце, и вся история.

— А эти трое граждан? — с гневом воскликнул Борис.

— А трое посетителей, навестивших меня, как выражается твоя мать, — спокойно улыбаясь, сказал Журавлев, — видимо, состоят в близких отношениях с уголовным кодексом. Меня только интересует: убийцы они или просто воры.

— Я думаю — убийцы, — задумчиво сказал Борис. — Один из них — ох, и плюгавый же вид имел. Морда красная, пухлая, глаза... Да что это я, Дмитрий Феоктистович, — вдруг заволновался он, — об этом потом, но как вы собираетесь поступить? Дело, знаете ли, серьезное.

Журавлев улыбнулся, положил руку Борису на плечо и сказал:

— Вот что, чудила. Как и что — видно будет. А сейчас — тебе придется бросить свою маму и этого короткохвостого какаду. Ты мне нужен. Нет, не спорь, дорогой, мы с тобой должны войти в историю человечества...

И Журавлев, еще ближе наклонившись к Борису, начал серьезным и деловым шепотом давать ему распоряжения.

После короткого совещания, в ходе которого Борис с восторгом запомнил ряд приказов Журавлева, оба вышли на палубу. Палуба была пуста. Легкий свежий ветер дул навстречу. Холмистый берег Крыма, сереющий волнистой чертой, разделял небо и море.

Журавлев оглянулся, набрал полную грудь воздуха и довольно рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он с нажимом. — Как по нотам. Люблю такую обстановку, перец мне в бороду! Ну, Борис, тащи свою подушку. Сейчас мы с тобой сыграем первое действие кровавой драмы «Заговор на корабле».

Склонившись над чемоданчиком, Журавлев отвязал от него одеяло и, быстро порывшись внутри, вынул большой твердый шар с пробкой. Отстегнув подкладку одеяла, которая была соткана из плотной и хрустевшей, будто ломавшейся, материи, он расстелил ее на палубе, поставил сверху чемоданчик, лег и велел Борису:

— Ложись и ты тоже, мы поразмышляем.

В это время волна приподняла пароход, пылинка с палубы влетела Журавлеву в ноздрю, и он громко чихнул. Одеяло без подкладки, которое он держал в руках, надулось от чиха, и стало заметно, что оно сшито из множества тонких слоев накладной материи.

— Привяжись к петелькам подкладки этим поясом, — быстро сказал Журавлев Борису, — и прикрепи цепочки к краям одеяла и подкладки.

Затем он аккуратно положил извлеченный шарик во внутренние складки одеяла, выкрутил пробку и быстро убрал руку. Из шарика вылетел твердый гелий, превращаясь в легчайший после водорода газ.

Одеяло разворачивалось, как живое, принимало форму огромного лоскута материи, наполнялось газом.

— Держись! — крикнул Борису Журавлев. — Мы сейчас снимемся. Есть!

И действительно, огромная колбаса взвилась в воздух, увлекая за собой привязанную тонкими цепочками подкладку, которая согнулась под тяжестью двух людей, как продолговатая гондола.

— Летим! — воскликнул Журавлев и, бросившись на дно гондолы, начал доставать что-то из чемоданчика, весело напевая любимое «тара-тара-тири».

Но вдруг гондола накренилась, снизу послышался голос: «Помогите!»

Борис с Журавлевым подобрался к краю гондолы и увидели, что внизу висит, вцепившись в небольшую веревочную лестницу и по-лягушачьи болтая ногами, профессор.

— Эх ты! — только и сказал Журавлев и неловким голосом приказал Борису:

— Ну что же, тащи сюда...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой решают, наконец, испытать гениальное изобретение

После трехчасового заседания Кабинет мирового шпионажа и обороны сделал перерыв. Члены Кабинета полулежали в креслах и, переговариваясь с закрытыми глазами, слушали тихую, прозрачную, далекую музыку.

К стеклянным окнам плотно прижалась южная тропическая ночь, мерцавшая в глубине далеким светом человеческого муравейника. Это главный город Новой Зеландии — Веллингтон — смотрел множеством фонарей вверх, на недостижимое правительство.

Недаром Новая Зеландия была когда-то центром реформизма и соглашательства! Недаром сытое рабство прочно въелось здесь в жизнь и быт большинства населения! Именно поэтому правительство мирового капитала смогло создать себе в Новой Зеландии крепость и столицу. Здесь оно чувствовало себя почти в безопасности.

Однако, когда мелодичный долгий звонок вдруг тихо прервал сонные разговоры членов Кабинета, председатель вздрогнул и быстро нажал кнопку на кресле.

На стене вспыхнул блестящий экран. На экране показались трое одетых в глухое дорожное платье людей, ожидающих на нижней площадке горы (в пяти километрах от кабинета), перед воротами.

Привратник, мужчина лет пятидесяти, который был окружен целой системой рычагов, кнопок и выключателей, вопросительно посмотрел с экрана на главу кабинета и спросил голосом, переданным по одной из многочисленных трубок экрана:

— Из Москвы. 739.739. Документы розовые.

Председатель живо ответил:

— Впустить. Через дезинфекцию.

И, вскочив с кресла, обратился к присутствующим:

— Господа члены Кабинета, заседание продолжается. Сейчас мы будем присутствовать при очень интересном докладе.

Разговоры прервались. Члены Кабинета, семеро самых разных людей, считая председателя, кто потягиваясь, кто оживленно поднялись с кресел и заняли места вокруг овального стола с откидными пюпитрами.

Председатель, невысокий, худощавый японец, профессор То-Кихо, злобно оскалив блестящие золотом редкие зубы, сказал:

— Ну, послушаем, что нам привезли из Москвы. Эти мужики хорошо подкупили своих ученых.

— Зря вы так считаете, То-Кихо, — ответил толстый белесый человек с задумчивым лицом — самый богатый человек в мире. — Мужики сами сделали учеными. Они растут, как дети, и чем дальше, тем безнадежнее будут на-

ши попытки отвоевать свое право на господство. Нет, — сказал он еще медленнее, — их надо уничтожить, причем сейчас же. Без войны, без молниеносной хирургической операции нам не обойтись.

— Всякий имеет право на чудачества, О'Ирн, — холодно и введливо заговорил человек в простой одежде военного образца — военный министр полковник Вивич, — всякий имеет право на чудачества, но член правительства Штатов к тому же обязан быть в курсе дел. Никто из нас не возражает против того, чтобы уничтожить красную заразу, но, я подчеркиваю для всех, — сказал он громко, — современное состояние военной техники не позволяет начать войну. Мы можем за несколько секунд уничтожить целые города, но как только наша флотилия перелетит границы Советского Союза, ответные взрывы не меньшей силы встряхнут наши страны. Такая война дорого обойдется даже для нашего кармана, О'Ирн.

— Вивич прав, — сказал, вставая, высокий сухой старик, — мы оказались в плену у военной техники. Надо сделать так, чтобы поражение было выгодно для русских и их союзников. Завоевать их промышленностью, общим благосостоянием, электричеством, авиэтками...

— Остановитесь, Форд, — снова вмешался председатель, стукнув маленьким кулаком по столу, — мы знаем, что нужно либо обезоружить врага и уничтожить его, либо победить огромным преимуществом техники. Иной мысли в этом деле быть не должно. Я предлагаю...

Но в это время снова раздался звонок, и на вспыхнувшем экране появилось лицо и рука второго привратника.

— Впустите! — повторил То-Кихо, и небольшие стальные двери Кабинета стукнули и поднялись.

Через их узкий четырехугольник один за другим вошли трое только что вымытых, выбритых и приодетых мужчин.

— Нас задержали, — сказал, быстро поклонившись, один из них, — мытьем и бритьем. Когда мы тридцать часов летели рядом с ветром от границ Советского Союза, мы не думали, что щетина на наших подбородках будет колоть

глаза членам Кабинета. Нам казалось, что дело вас интересует больше.

— Прекратите, Самилла, — перебил его То-Кихо, — тешить свое самолюбие. Когда-нибудь вы станете начальником полиции, а теперь рассказывайте толком.

— Мы прилетели из самого ада, — продолжал мужчина. — Надо сказать, что Москва очень красивый и приветливый город. К сожалению, несмотря на все поиски, нам не удалось обнаружить выдающегося изобретателя, для чего мы и ездили, как сообщал Вивич. Но зато мы привезли его юношескую фотографию, вот она, — и он бросил на стол небольшой кусок картона.

С фотографии на членов Кабинета весело смотрело молодое широкоскулое лицо с глупо приглаженным вихром, который все же торчал вверх, и тугим воротником — типичное произведение провинциальной фотографии. На отвороте пиджака блестел комсомольский значок.

— М-да... невзрачный... — улыбнулся О'Ирн и лениво бросил фотографию на стол.

Рассказчик поднял ее, аккуратно положил в бумажник и засмеялся.

— И не только невзрачный, но, очевидно, и очень упрямый. На два наших письма он не ответил, а когда мы наведались к нему в гости — исчез. Но получилось удачно: нас вовремя предупредили о вещах, которые могли оказаться ценными. Все, что мы забрали из кабинета изобретателя, у нас при себе, — и, вытащив из портфеля старые чертежи и продолговатый, длиной с полметра, бурый камень неровных очертаний, он положил их перед всеми.

Вивич медленно, но с вспыхнувшими глазами склонился над рисунком, а смуглый седой человек, министр техники, итальянец Бандиера, жадно набросился на камень. Остальные члены Кабинета сгрудились над ними. Но через несколько минут итальянец досадливо выпрямился и горланно произнес:

— Это глупости, господа министры. Вас обманули. Это не камень, а обычный шлак. Большевики обманули вас, — обратился он к трем мужчинам, стоявшим поодаль.

— Ну-ну, не так сердито, господин министр! — сказал, раздражаясь, будущий начальник полиции. — А что скажет нам господин полковник?

Вивич молча сидел над рисунками, сжав зубы и выставив два круглых больших желвака на бледных, узких скулах.

— Ну, что нам скажет полковник? — повторил вопрос председатель.

Ничего не отвечая, Вивич взял камень, быстрым поворотом ключа открыл один из ящичков стола, извлек оттуда светлый стальной молоточек и несколько раз осторожно постучал по краям камня.

— В камне что-то есть, — сказал будто про себя Вивич и, достав из ящика набор инструментов — различных молоточков, иглочек, щипцов — принялся за работу.

Через несколько минут на столе лежали остатки камня — каменные крошки, а Вивич держал в руках вынутый из разбитого камня длинный, обтянутый кожей бинокль.

— А теперь, — безразлично заговорил Самилла, — позвольте продолжить рассказ о некоторых особенностях московской жизни.

— Продолжайте, — звонко сказал То-Кихо.

— Выйдя из квартиры изобретателя, московского ученого Журавлева, и сядя в автомобиль, мы заметили позади еще один автомобиль. Как только мы тронулись, этот автомобиль помчался за нами по пятам, почти нагоняя нас, но не приближаясь более чем на десять метров. Мы могли разглядеть лицо шофера, но пассажир был закрыт темным щитком. Догадавшись, что за нами погоня, мы свернули в переулок. Другой автомобиль повернул за нами. Вдруг он увеличил скорость и, промчавшись мимо, задел нашу машину. От столкновения или от чего другого меня и моих спутников тряхнуло так, что я пожелал здоровья своей матушке и потерял сознание. Очнулся я, когда меня вытаскивали из-под нашего бывшего автомобиля и укладывали в спокойную широкую машину с мягким ходом. Как оказалось, московские друзья Штатов, ехавшие за нами, наткну-

лись на место катастрофы и отвезли нас в заброшенное здание английского посольства, где мы остановились.

— Мой дом, — вздохнул О'Ирн.

— Там мы пролежали два дня. Затем, выйдя загримированными и переодетыми, мы присели отдохнуть на скамейке напротив и вдруг увидели зрелище куда роскошнее, чем бой быков.

Рассказчик остановился и, довольно осмотрев присутствующих, медленно сказал:

— Здание, откуда мы вышли десять минут назад, стремительно, как хамелеон, стало на наших глазах менять окраску, а затем полностью растаяло.

— Да, — произнес громко Вивич, и вдруг в молчании раздался быстрый, резкий стук.

То-Кихо вздрогнул, нажал кнопку. На экране появилась спокойная молчаливая фигура привратника.

— Ну, ну! — заговорил взволнованный голос, и все увидели, что виновником шума был итальянец, который встал со своего кресла, дрожа, как сталь после удара, и нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

— Ну и вот что, — отвечал Самилла. — Следя за тем, как исчезают один за другим этажи нашего гостеприимного приюта, я угадал направление неизвестной силы, что разьедала камень, как кислота ткань, и увидел девушку — должен признаться, очень красивую, стройную девушку — которая, глядя в бинокль, медленно переводила его с одного края дома на другой. Как только от здания осталась одна прозрачная пустота, девушка просочилась сквозь собравшуюся толпу и исчезла.

Я побежал за ней, но все было напрасно. А мои спутники, не без оснований видя в исчезновении здания намек на собственное исчезновение (ведь, господа министры, мы были в доме за пять минут до его гибели), предпочли поскорее заполучить нашу славную машину, каковая и доставила нас сюда без остановок.

— Ну, это уже не имеет значения, — сказал спокойный голос Вивича. — Господа члены Кабинета, я прошу вас при-

нять участие в опыте, — и, взяв бинокль, он подошел к окну в стене и распахнул его.

— Вот, — обратился он к членам Кабинета, показывая в темноту, — вот вдалеке светло-зеленая точка. Это сторожевой маяк № 319 в двенадцати километрах отсюда. Среди нас, господа, есть лучший стрелок Штатов. Прошу его подойти сюда и, посмотрев в бинокль, прицелиться так, чтобы эта точка оказалась посередине. Затем нужно до минимума сузить обзор и, — он посмотрел на чертеж — когда я скамандую, повернуть это медное кольцо.

Один из трех прибывших, стройный, красивый англичанин, подошел к окну, сел в кресло и, посмотрев в бинокль, спросил:

— Уже?

Десять пар глаз, напряженно нацеленных в густой бархат ночи, увидели яркую точку маяка. Прошло несколько секунд после того, как стрелок повернул кольцо, но точка по-прежнему мерцала в темноте. Вивич сжал кулак и машинально выставил челюсть вперед. Затем сердито повернулся к англичанину и указал пальцем на фонарь, висевший на огромной стальной колонне метрах в ста от окна.

— А сюда?

Англичанин еще раз прицелился и повернул кольцо.

Неожиданная тень вдруг упала сероватой синевой на лица, смотревшие в окно. Фонарь исчез, но в мертвой тишине не было слышно ничего, кроме далекого дыхания города.

— Но позвольте, — вскочил министр техники, — это же очевидная вещь! Здесь перед нами уничтожение без взрыва, здесь куда-то деваются невероятные запасы электричества, распавшейся материи. Гениально! Пусть это еще полдела, но изобретение может стать началом новой...

— Я призываю господ членов Кабинета к порядку, — глухим сильным голосом сказал, выпрямившись, японец и поднял руку. — Я использую свое право председателя и прерываю сегодняшнее заседание до начала другого, чтобы внимательнее обдумать возникшие вопросы. На послезавтра назначена казнь предводителя мадагаскарского бун-

та — Зоре. Мы применим для казни наш новый, захваченный в Москве аппарат. Вивич и Самилла, оставайтесь!

И То-Кихо нажал звонок. Через несколько секунд открылась дверь, выходящая на освещенный электричеством стеклянный аэродром, где глухо ворковали моторы семи стройных алюминиевых птиц. Члены Кабинета зыкрыли крышки своих пюпитров и молча вышли.

— А нам, — сказал То-Кихо, обращаясь к Самилле, — нам что вы еще можете рассказать?

— А вам, — рассмеялся Самилла, — вам я собираюсь задать очень важный вопрос: куда мне девать пленного?

— Какого пленного? — резко спросил Вивич.

— Дело в том, — медленно и нахально ответил Самилла, — что девушку, которая разрушила домик О'Ирна, — здание бывшего английского посольства, — эту девушку я все-таки догнал, и сейчас она у меня в машине.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

где читатель знакомится с некоторыми особенностями комсомольского воспитания

Самилла еще не успел стереть улыбку со своего наглого лица, как То-Кихо резким движением нажал рычаг, прикрепленный к его пюпитру. Под рычагом было небольшое круглое зеркальце, соединенное с целой системой зеркал, которые кругами расходились от места председателя Кабинета в разные уголки грандиозной Башни правительства.

Светло-рыжеватые глаза японца внимательно смотрели в зеркало. Под его взглядом зеркальце, как огромный бесстрастный глаз, медленно вращаясь, показывало аэроплан на крытой террасе. Вот под ярким электрическим светом мелькнули светлые тени огромных крыльев, вот и

окошко маленькой каюты аэроплана, вот, наконец, и бледное пятно человеческой фигуры. Зеркальце остановилось.

Склоненные над ним лица председателя Кабинета и военного министра выразили откровенное удивление. Такого они не ожидали.

В каюте аэроплана, на неудобном, тесном диванчике спала девушка, такая молодая, что ее хотелось назвать девочкой. Ее руки были прикованы наручниками к кольцу, но лицо — нежное, девичье лицо — ласково улыбалось. Пухлые, но четко очерченные губы чуть дрожали, будто сдерживая звонкий, молодой, веселый смех. Глаза ее были закрыты.

— Разбудите ее, Самилла, и приведите сюда, — приказал Вивич. — Если оружие у нее отобрано, кандалы нужно снять.

Пленницу привели через несколько минут. Только что разбуженная, она сонно хмурилась и глядела волчонком. Однако, увидев давно знакомые по газетным карикатурам лицо То-Кихо и Вивича, она легонько вздрогнула, тряхнула стриженными, рыжеватыми волосами, поправила памятую голубую майку и, подняв голову, посмотрела министрам прямо в глаза. То-Кихо изобразил любезную улыбку и нажал кнопку телефонного устройства — с этого момента оно начало точно записывать все, что слышалось в кабинете.

— Как вас зовут? — сухо спросил Вивич на международном языке. В кратчайшие сроки на нем начали говорить все, разрушая вслед за объединенной промышленностью и усовершенствованными средствами сообщения национальные преграды.

— Чудновская Людмила. Комсомольский билет — 37.11.22. И скажите, пожалуйста, этой свинье, — девушка пренебрежительно кивнула в сторону Самиллы, — чтобы он вел себя повежливей.

Самилла сверкнул глазами, но Вивич продолжал так же сухо:

— Хорошо. Сколько вам лет?

Людмила улыбку насмешки, но лицо ее слегка покраснело.

— Это не имеет значения. Не скажу.

— Вы были в Москве, когда исчезло здание английского посольства?

— Бывшее здание? — переспросила Людмила. — Да, я это видела.

— Что вы делали в это время?

— Смотрела на здание в бинокль.

— Зачем?

— Глупый вопрос, — недовольно сказала Людмила. — Чтобы лучше видеть.

— А зачем вы выбросили бинокль, когда вас задержал наш служащий?

— Потому что я воспитывалась, как комсомолка.

— Позвольте, — вмешался То-Кихо, — а в чем же заключаются особенности комсомольского воспитания?

— Много в чем, — вызываяще ответила Людмила, — чего вам не понять. Одна из них: не отступай перед заклятым врагом — капиталистом и фашистом. Ни крохи из достижений Советского Союза.

То-Кихо засмеялся и, вынув из ящика бинокль, обнаруженный Вивичем, положил его перед собой.

— А этот бинокль, часом, не напоминает вам тот, в который вы смотрели? — и он осторожно постучал по медному кольцу бинокля своим желтым, сухим, твердым ногтем.

Людмила побледнела. Брови ее — тонкие, черные полоски — резко сдвинулись и образовали небольшую глубокую морщинку на переносице. Но потом она еще раз тряхнула волосами и быстро протянула руку:

— Покажите-ка.

Вивич проворно накрыл бинокль ладонью и продолжил допрос.

— Знаете ли вы ученого Журавлева?

Знает она Журавлева? В голове у Людмилы мелькнула открытая, доброжелательная физиономия преподавателя физики, ее любимого наставника. Зачем скрывать? Может, удастся выпытать что-нибудь интересное? Она решилась.

— Да, я знаю Журавлева.

— А знаете ли вы, — голос Вивича стал громким и словно торжественным, — что Журавлев продал нам свое великое изобретение?

Но он не успел договорить. Людмила, сорвавшись со стула, бросилась на него, крича:

— Врешь! Не может быть!

И тут же, сдержав себя, она уныло повесила голову, со злостью следя за То-Кихо, который заливался реденьким смехом и сверкал золотыми челюстями.

— А знаете ли вы, — громко продолжал Вивич, — что этот бинокль только первый из тысяч, которые будут производиться на наших заводах под руководством вашего учителя?

Людмила молчала.

— Считаете ли вы, — сказал, смеясь, То-Кихо, — что комсомольское воспитание дало достаточно хорошие результаты, и комсомольский значок на этой фотографии будет хорошим примером для детей нашего государства? — И он бросил перед Людмилой украденную Самиллой карточку.

Опять на полированной поверхности круглого стола правительства старомодной луной взошла провинциальная фотография. На Людмилу смотрели честные молодые глаза, широкие скулы, нелепый белокурый вихор.

Людмила склонилась над карточкой и, рассматривая ее, закрыла лицо рукой. Через мгновение она выпрямилась и так весело поглядела на насмешливое лицо То-Кихо, что председатель Совета министров, захлебнувшись собственной улыбкой, сразу сделался официальным и властным.

— Можете ли вы сказать, — продолжал Вивич, — где в Москве или в Союзе находятся лаборатории, изготавливающие некоторые сплавы для бинокля?

— Могу, — сказала Людмила, улыбаясь, — но не хочу. Впрочем, если вы мне покажете завод, на котором будут производиться бинокли, я, может быть, кое-что вам расскажу.

И Вивич, и То-Кихо поняли, что от этой загорелой девушки ничего путного им не добиться. Они на минуту

смокли, а потом заговорили между собой на непонятном Людмиле языке.

Людмила с интересом наблюдала за ними. Японец, оскалив зубы, что-то злобно и отрывисто доказывал Вивичу, каменное лицо которого выражало легкое удивление. Он, очевидно, был не вполне согласен с главой министерства. Позади министров, прислонившись спиной к раме открытому окну, где густо чернела ночь, стоял Самилла и смотрел на пленницу большими и блестящими, как маслины, нетерпеливыми глазами.

Людмила невольно поглядела на него. Ей стало неприятно. Но она не отвернулась и ответила равнодушным, холодным, как лед, твердым взглядом.

— Пятьсот лет назад, — громко произнес Самилла, и министры прервали разговор, — у нас в Испании допрашивали с помощью других, более тонких методов. Клянусь Святой Девой и черепом Муссолини, я выведал бы у этой девочки больше, чем члены нашего правительства.

Вивич недовольно посмотрел на него и сказал:

— Не надо. Посторожите ее и дайте ей поспать. Утром я пришлю за ней охрану. Я готов, — обратился он к То-Кихо.

Оба вышли, мягко стуча каблуками по огромному темно-синему ковру кабинета.

— Ну, — сказал Самилла, — теперь моя очередь, проклятая собачонка. Рассказывай, где этот мордатый красный профессор, где Журавлев? — И Самилла отошел от окна, направляясь к Людмиле.

— Он же проданся вам. Откуда я знаю? — ответила, смеясь, Людмила и быстро встала со стула.

Она спокойно смотрела на приближающегося мужчину, и только едва заметные бугорки бицепсов дрожали на ее загорелых руках.

Самилла понял, что проговорился о Журавлеве, и сердито остановился. Потом, как видно, потеряв голову, поднял огромный кулак и бросился на Людмилу. Казалось, громадный черный тропический жук расправил бронированные крылья и бросился на маленького, прекрасного, светлого кузнечика. Но Людмила, нагнувшись, схватила двумя ру-

ками полы пиджака Самиллы, невероятно быстро уперлась ногой в его широкую грудь с белоснежной манишкой и повалилась назад. От этого маневра над ней, как на пружине, пронеслось тяжелое черное тело противника и тяжело грохнулось на пол.

В кабинете раздался громкий, похожий на мычание стон.

В этом стоне слышалась практическая оценка успехов Людмилы Чудновской в джиу-джитсу. Но Людмиле некогда было размышлять над своей победой. Ее ждали малоутешительные перспективы. Она сочла за лучшее встретить утро подальше от этого круглого стола и этого черного стонущего тела.

Двери открыты. В коридоре видны смутные очертания летных устройств. К ним и побежала Людмила. Но перед выходом в коридор с потолка, негромко звеня, спустилась металлическая штора и отрезала путь, а где-то сбоку раздался смешок.

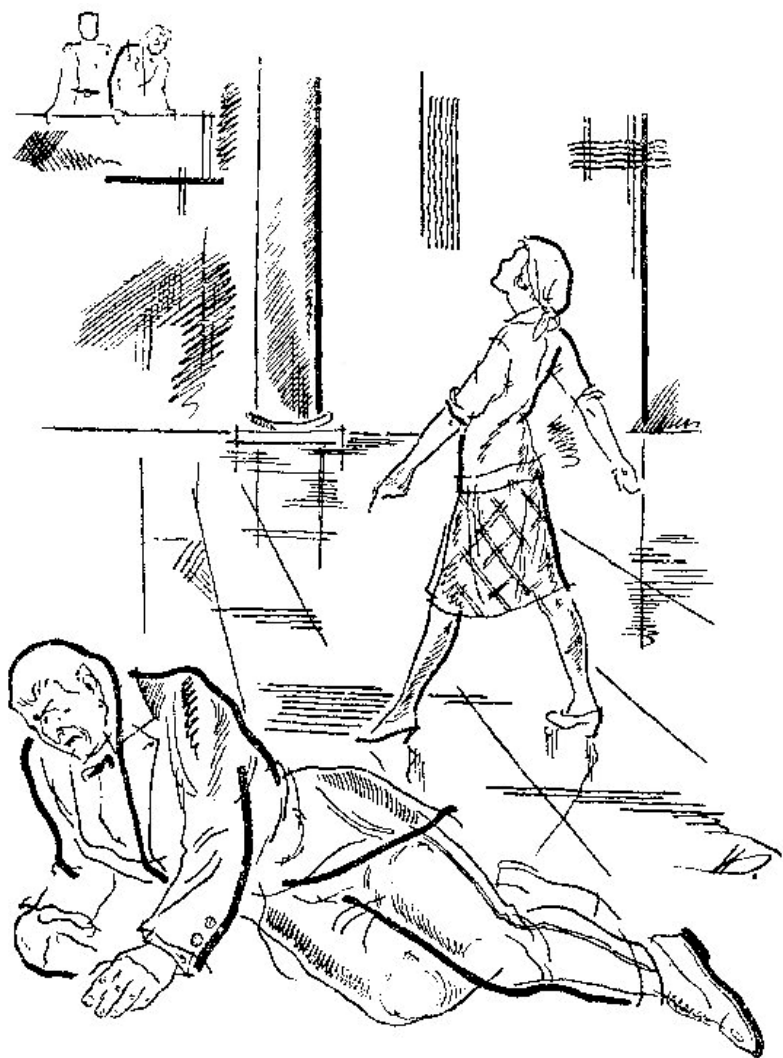
Людмила нетерпеливо повернула голову. На небольшом балкончике у верхнего края стены стояли То-Кихо и Вивич.

— Ну, как дела? — улыбаясь, спросил То-Кихо.

— Так себе, — ответила Людмила и показала на лежавшего на полу Самиллу. — Вот вам пункт второй комсомольского воспитания. Нравится?

То-Кихо не ответил, но его очки будто скривились от быстрой гримасы. В это время дверь снова открылась, и вошли трое молодых людей в черной гражданской одежде. Это были полицейские, которых вызвал Вивич.

Когда через несколько минут Людмила под присмотром этих молодцов вылетела на аэроплане из здания правительства, ночь уже таяла. Сырой, теплый, серый рассвет быстро вставал над землей, готовясь уступить место блистающему субтропическому дню. Внизу покачивались кроны деревьев. Под ними прятали кубические головы большие светло-серые дома, а дальше необъятной, слегка припухшей скатертью голубел океан.

— Вот вам пункт второй комсомольского воспитания.

Людмила от восторга широко раскрыла глаза и сразу же надолго их закрыла. И вот уже под четкий стук мотора ей снова снятся дорогие московские улицы.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой на сцене появляется пушка

Но что делали тем временем три путешественника, оставленные нами в хрупкой гондоле воздушного шара?

Нельзя сказать, что присутствие профессора было приятно его спутникам. Однако профессор не горевал и во второй раз порывался поведать Борису длинную историю о том, как 25 лет назад, во время войны, он — армейский офицер — попал в плен к немцам. Он пересыпал рассказ смехом и цитировал грубые команды немецкого фельдфебеля. Но историю ему никак не удавалось закончить, потому что пассажирам приходилось одновременно выполнять обязанности экипажа.

Управление воздушным шаром — работа сложная. Как много лет назад опытный капитан парусника мог направлять его по своему желанию, так и теперь различные искусственные выступы шара, всевозможные подвесные крылья и паруса, казавшиеся огромными ушами на продолговатой физиономии и, особенно, собственные пропеллеры помогали Дмитрию Феоктистовичу переводить шар из одного воздушного течения в другое. Нужно было только, не отвлекаясь, сидеть над компасом и карманной картой воздушных течений и отдавать команде различные приказы.

Борис охотно и прилежно натягивал веревки, подкручивал пропеллеры, клеил запасные паруса и даже вел дневник полета. Зато профессор, этот долговязый, пожилой человек, оказался нерадивым служакой, и Журавлев шепотом поручил Борису следить за всеми его действиями. Это бы-

ло особенно важно в те минуты, когда профессор решал сменить веселую жизнь бездельника и паразита на задумчивость и пробовал остаться в одиночестве, то есть отвернуться от спутников. Тогда он извлекал из пухлого бокового кармана карту воздушных течений, поглядывал на компас — очевидно, пытался определить, куда летит шар.

Шар гнало воздушными путями, что скорее походило на старинные русские дороги с выбоинами и прочими неожиданностями, чем на современные блестящие полосы асфальта, которые в разных направлениях опоясывали весь земной шар. Воздушные ямы, смена течений, густые облака, в которых было сыро и хотелось чихать, — все это уже достаточно приелось.

Внизу виднелось пустынное Черное море. Эта широкая природная граница между советской и капиталистической суши была ныне одним из самых опасных мест на Земле. Как стаи собак на цепи, носились вокруг своих якорей мины, не пропуская в страну капитализма ничего, что могло поставить под угрозу и без того неопределенное существование кучки финансовых и промышленных царьков.

Но вот Борис вскрикнул. Пристально изучая с гондолы живую, а не книжную географию границ Советского Союза, он заметил — пока еще очень далеко — еле видное плоское судно без труб, шедшее очень быстро.

Очевидно, это было уже судно Штатов — моторный миноносец пограничной стражи.

Дмитрий Феоктистович быстро взглянул на высотомер, что-то занес в записную книжку и сказал:

— От нас до судна сорок километров. Нужно поскорее подниматься в облака. Ну, Борис, приготовься выбрасывать лишнее.

— Почему сорок километров? — спросил Борис.

— Очень просто — мы в центре горизонта, мы его видим, под нами слегка шарообразная, проще же — горизонтальная поверхность. Высота, на которой мы находимся, — три километра. Построй фигуру и вычисли. Ну, да нам не до того, тетка твоя подкурятина, — буркнул он. — Открывай чемодан! Что там?

- Шар с пробкой.
- Оставь.
- Вот эта бутылка.
- За борт!
- Консервы.
- За борт!
- Какая-то коробка.
- Оставь.
- Ботинки.
- За борт!
- Какие-то волосы...

Дмитрий Феоктистович покосился на профессора:

- Оставь...

Через полминуты из чемодана было выброшено немало вещей.

Затем последовали вещи Бориса, потом — невзирая на протесты — выбросили профессорский цилиндр, в котором опытный глаз Дмитрия Феоктистович приметил двойное дно и передатчик. Выбросили весь взятый балласт. Но шар едва поднялся.

Между тем, миноносец виднелся теперь отчетливей.

Тогда Дмитрий Феоктистович, достав из кармана веревку, подошел к ничего не подозревавшему профессору, внезапно быстрым движением связал ему руки и под визг и крики, раздавшиеся из профессорского горла, проворно полез по лестнице к шару.

Борис не успел ничего сказать, открыл рот и с ужасом следил за тем, как широкая фигура Журавлева поднималась к клапану аэростата. Его неизменный белый балахон развевался в воздухе, и отважный ассистент больше чем когда-либо походил на огромную чайку, которая качалась на прозрачной веревочной лестнице высоко в сером вечернем небе.

— Дергай за веревку! — раздался сверху голос Журавлева.

Борис дернул и открыл клапан. Из аэростата вырвался воздух, и гондолу резко бросило вниз. Но сразу же вслед за этим Дмитрий Феоктистович бросил новый небольшой шарик с отвинченной пробкой — новую порцию гелия — и

аэростат начал ровно и быстро подниматься, пока не скрылся за облаками.

— Уфф! — устало, но довольно вздохнул Журавлев, спустившись с лестницы, и весело посмотрел на профессора.

Но профессор в изнеможении сердито пыхтел и не желал глядеть на обидчика.

Журавлев поманил пальцем Бориса и шепнул ему:

— Ступай, друг, подберись потихоньку к профессору и попроси его рассказать, как он попал к немцам в плен, только на этот раз до конца... И развяжи ему руки.

Борис пополз по гондоле и через несколько минут, после коротких, недовольных, односложных ответов, из профессора наконец вылилось сперва сердитое, но затем увлеченное журчание незабываемой истории, которую прерывали только громкие команды на немецком языке.

— Хальт! Вер да? А вокруг темно и дождь. Ну, понятно, наша разведка...

Тем временем Журавлев, вытащив бинокль, внимательно вглядывался вперед. Граница должна быть уже близко. Но он ничего не сумел разглядеть. Тогда Журавлев надел наушники и начал настраивать свой приемник. Джаз-банд звучал на удивление четко. Казалось, можно было различить утомленное дыхание людей, бивших в тарелки и барабаны. Граница была недалеко. Пора было принимать меры предосторожности.

Опять раскрыт неисчерпаемый источник диковинок — чемоданчик. На небольшую металлическую чашечку для бритья высыпан желтоватый порошок. Порошок облит из бутылки несколькими каплями простой воды. Он слегка зашипел, как шипит сода в стакане воды. Профессору и Борису показалось, что аэростат снова входит в большое белое облако. Но они не обратили на это обычное явление никакого внимания.

Облако, однако, создал не кто иной, как Журавлев — в надежде, что аэростат под этой маской небесного странника благополучно минует опасный участок границы.

Неожиданно загудел мотор. Очевидно, где-то совсем недалеко пролетал самолет. Дмитрий Феокистович гром-

ко откашлялся, затянул свое «тара-тири» и, взяв бинокль, поднес его к глазам. Так он сидел неподвижно до тех пор, пока вскоре в воздухе, где-то сбоку и снизу, не послышался мелодичный, быстро таявший металлический звон, точно ударились друг о друга серебряные кольца. Он на минуту опустил бинокль, снова подсыпал порошка, подлил воды — и пушистое облако, скрывавшее аэростат, понеслось по воздушным путям, проходившим уже над Штатами.

Спустя полчаса искусственное облако развеялось, и путешественники увидели, что они оставили за собой какой-то берег. В чистом, прозрачном воздухе можно было далеко, на самом горизонте, рассмотреть точно граненые, блестящие иглы. Это блестели башни и минареты бывшей турецкой столицы — Константинополя, которая за последние годы превратилась в один из величайших городов мира. Босфор остался позади. Они приближались к Эгейскому морю — части Средиземного моря, все заметней принимавшего темно-фиолетовый цвет. Красное расплавленное солнце опускалось к самой линии моря. Еще немного — и оно легко коснется своим остро очерченным, словно вырезанным из тонкой бумаги краем резкой границы между небом и морем. Скоро ночь.

Журавлев положил в карман карту воздушных течений, выпрямился и обратился к спутникам:

— Ну, дорогой учитель, вы уже перешли русскую границу к немцам? Уже попали в плен?

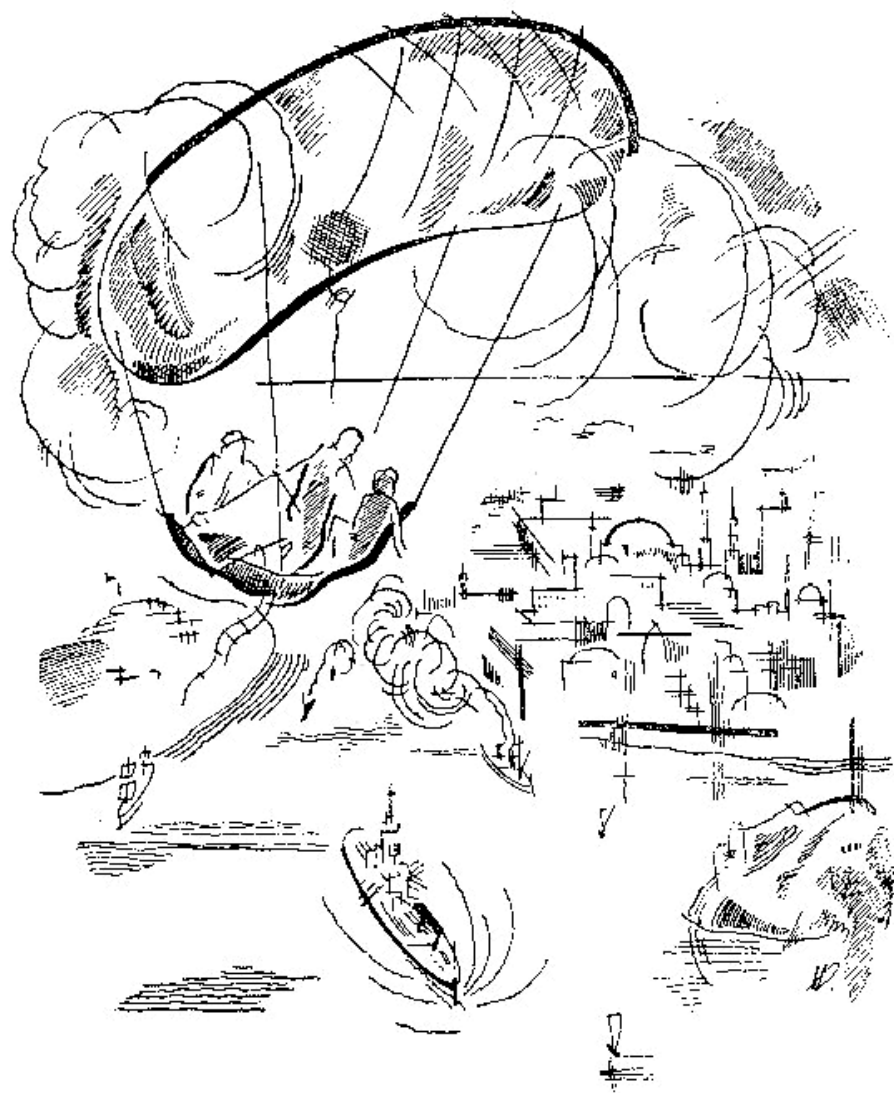
Профессор не отвечал.

— Зато я могу вас поздравить — вместо невоспитанного турецкого правительства, которое не встретило нас пушечной стрельбой и восточными сладостями.

— Что? — закричал профессор. — Мы...

— Да, мы в Турции, дорогой учитель, и пусть подданные султана одарят вас расческой из слоновой кости, чтобы причесывать лысину...

— Перестаньте валять дурака, — недовольно сказал профессор, — этого не может быть. Как же вы пролетели мимо пограничной стражи, как же, наконец, вас не пой-

Это блестили башни и минареты Константинополя.

мали в знаменитую металлическую сеть высотой в пятнадцать километров, подвешенную на аэростатах над морем?

— Потому что ловят карасей, да и то на приманку, а я не карась, мой многоуважаемый ученый старец, черт бы вас подрал. Вы не слышали звон?

Профессор был потрясен и тяжело сопел. За него ответил Борис:

— Слышали.

— Ну, так вот. Это я имел удовольствие прорвать ту самую замечательную сеть, которой ваши рыбаки хотели меня поймать. Ну, хватит. Борис, приготовь поплавки. Я открываю клапан.

Медленно съеживаясь, аэростат спустился совсем низко над морем. Борис надул несколько больших кругов, которые должны были поддерживать гондолу на воде, выбросил их за борт, и через несколько минут солнечные брызги Средиземного моря ударились об алюминиевый каркас гондолы. Было уже темно. Только теперь все трое с сожалением вспомнили о консервах, выброшенных в слепом порыве рыбам на удивление.

Профессору позволили вытянуть ноги. Борис приладил к борту лодки два небольших щитка, свернулся бубликом и захрапел. Щитки были запасным ухом и глазом нашего изобретательного ученого. Эти чувствительные стальные мембраны колебались от звуковых и световых волн. При изменении звуков, доходивших извне, они изменяли характер своих колебаний. А за изменением колебаний мембраны должен был последовать негромкий сигнальный звонок телефона, который на ночь подсоединил к уху Журавлев.

В шесть часов утра телефон вдруг зазвонил. Журавлев вскочил и, протерев глаза, взгляделся в утренний туман. Прямо на них шел достаточно большой, белый с синим пароход. Схватив бинокль, Журавлев стал напряженно всматривался в палубу парохода. Но несколько человек в белых костюмах, собравшиеся у перил, выглядели совсем не враждебно. Напротив, они, очевидно, считали сморщенный шар и гондолу с тремя спавшими людьми интересным спосо-

бом увеселительной поездки, и когда один из спавших — плотный, взъерошенный и белокурый — поднялся на ноги, они приветствовали его радостными возгласами.

Журавлев обрадованно улыбнулся и, нашарив в чемоданчике какой-то порошок, зажег его в чашке для бритвы. Яркое, голубое при дневном свете пламя стремительными брызгами поднялось в небо, и с палубы парохода в ответ долетели благодарные аплодисменты.

«Ах вы, губки греческие, — с удовольствием подумал Журавлев, — никаких пограничных миноносцев, патрулей, катаешься себе, как полноправный буржуй, и ни одна из этих набриолиненных голов не сможет себе представить, что по их морю плавают советские граждане».

Потянувшись, он быстро разделся и, дрожа от холода и восторга, бухнулся головой в зеленоватую воду, переливавшуюся под солнцем.

— Брррр... Фрррр... Чудесно-о...

Пора было подниматься и лететь дальше. В пустых желудках выл голодный ветер, но нельзя было и думать о том, чтобы застрять где-нибудь вблизи границы.

Через несколько секунд разбуженные Борис и профессор, даже не успев умыться, с сожалением увидели, как Журавлев, еще мокрый и красный, с капельками воды, дрожавшими на подстриженных усах, полез в чемоданчик за новой и последней порцией драгоценного твердого гелия.

Голодные и уставшие, они неслись целый день по сияющему небу Средиземноморья. Внизу под ними звездами, черепахами, причудливыми серыми пятнами проплывало множество островов. Изрезанный, как лист папоротника, берег снова сменило море. Наконец появилась холмистая полоса земли. Как порядковая карта на занимательной лекции по ранней истории человечества, прошла древняя колыбель европейской культуры — Греческий архипелаг, Греция, за ней показалась Италия.

Но теперь под древними руинами грохотали подземные поезда, над ними дрожали радиоволны, гудели двигатели аэропланов. Аэростат Журавлева уже наткнулся на несколько встречных воздушных путешественников, но не

вызвал никакого удивления. К вечеру гондола аэростата медленно плавала над огромным городом, будто выискивая, куда спуститься.

Борис, волнуясь, смотрел вниз. Он сразу же узнал город по прославленным полукруглым развалинам Колизея, которые выглядели довольно жалко рядом с вызывающей гигантской статуей напыщенного лысого человека в римской тоге. Борис узнал и человека, которого изображал памятник. С внезапным гневом он смотрел на каменные черты Муссолини, и его еще детская рука сжималась в крепкий кулак.

Когда начали зажигать огни, они спустились на небольшой аэродром в окрестностях Рима.

— Следи за профессором и не отставай от него, — шепнул Журавлев Борису, высматривая место для якоря.

Но в тот же миг профессор с неожиданной ловкостью сбросил веревочную лестницу и, мгновенно скатившись по ней, прыгнул с высоты двух-трех саженей на землю. Его длинные ноги согнулись, как складной аршин, после снова выпрямились, и он побежал изо всех сил, слегка пошатываясь, высокий, без шляпы, похожий на сумасшедшего.

Когда Журавлев и Борис спустились на твердую землю, профессора как не было. Вокруг прибывших собралось несколько зрителей, но и те быстро разошлись. Затем сердито подошел полицейский и внимательно посмотрел на Журавлева и Бориса, осветив их карманным фонариком. Это был неприятный и неожиданный сюрприз, и рука Журавлева сердито потянулась к карману, а его ослепленные светом глаза враждебно впились в фонарь. Но ушел и полицейский, что-то пробурчав себе под нос. Журавлев велел Борису выпустить газ и сложить аэростат, а сам начал осматриваться. Его взгляд наткнулся на лист бумаги, наклеенный на заборе аэродрома. Он нагнулся к нему и вдруг, быстро оглянувшись вокруг и увидев, что рядом никого нет, прыснул и залился пронзительным неудержимым смехом.

— Ха-ха-ха-ха... — смеялся он, держась за живот и покачиваясь. — Ах, шалуны, ха-ха-ха — крючок им в межреберную щель!

— В чем дело? — с некоторым испугом спросил Борис.

— Ха-ха-ха! — заливался Журавлев. — Знаешь, кто нас сейчас выручил? Мой старый приятель Павлушка Зарин, — добавил он шепотом и показал Борису наклеенное на забор объявление. В бумаге говорилось о розыске русского преступника и убийцы Журавлева, чья фотография красовалась тут же.

— А фотографию-то они, — снова засмеялся Журавлев, — и перепутали, — павлушкину стащили у меня из комнаты.

На бумаге в тусклом свете окраины смутно виднелась уже знакомая нам белокурая физиономия приятеля Журавлева, Павла Зарина, счастливо изучавшего в Москве «Историю косвенных налогов», тогда как его изображение под фамилией Журавлева в тысячах экземпляров висело, мокло и сохло на множестве заборов полицейских участков Штатов.

Борис всмотрелся в фотографию и сказал:

— Значит, нас ищут.

И сразу же, как бы в ответ, над самым их ухом грянули один за другим два выстрела. Пули пробили оболочку аэроплатана и балахон Журавлева.

— Ложись! — рявкнул Журавлев Борису и вытащил бинокль.

Но Борис, заметив быстро убежавшего человека, сорвался с места и побежал за ним.

«Замечательный парень! — подумал Журавлев с нежностью и тревогой. — Какой замечательный мальчик! Только бы он не попался».

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой выясняется связь между наемным браунингом и научным миром

Борис бежал старинными кривыми улочками города, в котором убийство за деньги было одной из прибыльных профессий. Перед ним неясно маячила сутулая спина беглеца, его клетчатые брюки и даже прочные, толстые подметки ботинок. Через некоторое время беглец оглянулся, и Борис при свете уличного фонаря увидел совершенно незнакомое лицо — физиономию столичного жителя, ничего ему не говорившую... Бесцветные, усталые глаза, черные усики, вялый рот. Такое лицо — первое человеческое лицо, в которое Борис взгляделся за советской границей — могло с равным успехом принадлежать приказчику, студенту средних способностей, чиновнику, мелкому убийце.

Вскоре улицы начали светлеть, сделались широкими и оживленными. Еще немного — и вдруг Борис зашатался и чуть не упал: тротуар под ним задвигался. Он поспешно перескочил на другую полосу, двигавшуюся быстрее; на ней, опираясь на трость, ехал человек, которого он преследовал.

Перед небольшим прекрасным домом из черного мрамора человек соскочил с движущегося на неподвижный тротуар и несколько раз позвонил. Борис незаметно сошел на несколько шагов дальше.

Дверь распахнулась. Человек вошел. Дверь снова медленно закрылась, как будто тот, кто держал ее изнутри за ручку, был одновременно чем-то занят.

Борис остановился, глядя на дверь и напряженно раздумывая. Но в эти важнейшие полсекунды ничего, абсолютно ничего путного не пришло в голову. Для чего он побежал? С чем он вернется к Журавлеву?

Растерянный, красный от смущения, он, сам не зная, что из этого выйдет, потянул на себя дверь.

— Кто там? — послышалось из-за двери по-итальянски.

Борис не знал этого языка, но еще сильнее потянул за ручку.

— Кто там? Что вам нужно? — спросил тот же голос на международном языке, и в щели приоткрывшейся двери показалось озабоченное лицо пожилой женщины.

— Это... это я, — ответил Борис. Он тут же понял, что сморозил глупость, но увидел, что женщина ласково улыбнулась.

— Это я... — продолжал он, приободрившись, — я из... — он остановился, — из Северной Греции. Было землетрясение. Отец, мать, сестра... все погибли... Десять овец... — он уже входил в роль.

Женщина приоткрыла дверь шире и сочувственно сказала:

— Что же мне с тобой, малец, делать? Я не должна никого пускать. Впрочем, — заспешила она, увидев отчаянное лицо Бориса, — я дам тебе поесть. Только неходи, отойди от двери... Я принесу.

И она ушла, не заперев дверь.

В этот момент совсем близко внезапно послышался визгливый и очень знакомый Борису голос. Где он слышал эти самодовольные, растянутые нотки, этот смешок? Да, это — профессор. И Борис тотчас же неслышно и ловко, как кошка, проник в переднюю и спрятался в тени шкафа. Голоса чуть слышно доносились из соседней комнаты. Борис подобрался к портьеру, закрывавшей вход в комнату. Однако и отсюда ничего было не разобрать. Тогда он, прислушавшись и осмотревшись, подбежал к шкафу, навалился на него и отбежал в сторону. Огромный и, очевидно, пустой шкаф легко поддался, с секунду, будто раздумывая, постоял на одной ножке, накренился и упал с громом и грохотом.

В переднюю выбежала женщина с небольшим мешком (в нем, видимо, лежали подношения жертве греческого землетрясения), а из дверей, у которых стоял Борис — молодой человек в военной форме. Только это и нужно было Борису.

Через открытую дверь он юркнул в комнату и, затаив дыхание, укрылся за портьерой.

В комнате царило молчание. Минуту спустя беспокойный голос продолжал:

— ...Когда полицейский отошел, как видно, не узнав прибывших, я выстрелил в аэростат и человека, которого вы мне описали. Аэростат поврежден...

— А Журавлев? — с любопытством спросил голос профессора.

— Тот, кого вы мне описали, кажется, ранен... Я точно не знаю... Он остался стоять на ногах, а я...

— Вы болван! — нетерпеливо перебил новый, очень выразительный и сильный голос. — Хорошо, что изобретатель остался жив. Кто вас просил стрелять в него? Кто вам дал такой приказ? Где изобретатель, почему вы убежали?

Борис с огромной осторожностью и напряжением прорезал ножом дыру в портьере и увидел говорившего прямо напротив себя. У него было раздраженное, властное лицо — смугловатое, с правильными резкими чертами, с продолговатым, дрожащим, нервным носом.

Это был министр техники Штатов, Бандиера. Борис заметил, что и профессор, и наемный убийца засмутились.

— Мне, — сказал стрелявший и показал на профессора, — так сказали, и я понял, что лишняя дырка в чужом теле не очень-то беспокоит министра.

— И вы, и тот, кто вам так сказал — идиоты. Я вам совсем не это говорил. Теперь бегите и во что бы то ни стало постарайтесь разыскать изобретателя и привести его живым. Помните, что сразу дадим ему два миллиона, как только он начнет на нас работать. Джиованна, проводите!

И Борис совсем близко от себя увидел потные руки, час назад стрелявшие в аэростат и Журавлева.

— Я не понимаю, господин Бандиера, — сказал профессор после того, как их собеседник вышел, — почему, собственно, вы так цените моего ученика, — тон профессора был льстивым, но недовольным. — Ну хорошо, допустим, что в своей узкоприкладной области он изобрел некоторые новые изоляторы, ну, предположим, вы сможете благодаря этому

проще и безопаснее передавать электрический ток на различные расстояния, но два миллиона, — тут профессор поднял палец, — два миллиона!..

...Увидел говорившего прямо напротив себя.

— Хотя двадцать два, господин профессор, — твердо ответил министр. — Если бы сегодня ваш ученик, которым вы можете гордиться, пришел к директорам любого нашего концерна и показал им, что он придумал, каждый из них охотно отдал бы ему половину своего состояния. Боюсь только, что эти прожорливые акулы уже пронюхали и о перелете, и о стрельбе, и кто-нибудь из них уже купил вашего ученика на пятьдесят лет вперед. Тогда изобретение погибнет для нашего правительства. Они держатся за свои промышленные тайны, как репей за бороду.

— Но в чем дело? — промычал профессор.

— О, вы не знаете, в чем дело. Если бы вы знали, то не сидели бы, простите меня, как индюк на навозе. О-о, — и здесь, увлекшись, Бандиера встал и заговорил, расхаживая

по комнате и жестикулируя, — меня это поразило и восхитило, я ощутил почти религиозное чувство, чего у меня не бывало с детства. Представьте себе, что каким-то еще неизвестным нам способом ваш Журавлев, очевидно, направляет электрический удар в атом. Этот удар так силен и стремителен, что пробивает слои вращающихся электронов и попадает в ядро. И тогда из ядра как бы вырывается ответная электрическая искра, ответный заряд, который покидает атом. При этом происходит примечательное явление.

— Ну? — произнес не то спрашивая, не то подгоняя профессор, которого импровизированная лекция отнюдь не интересовала.

Молодой человек с военной выправкой поднял голову и спросил:

— Что же, собственно, происходит?

— Как вы знаете, — продолжал, расхаживая, министр, — электроны, подобно планетам, вращающимся вокруг своего солнца, вращаются вокруг ядра. Ядро, заряженное положительным электричеством, притягивает к себе электроны, но те из-за скорости своего вращения не падают на него. Теперь представьте себе, что из ядра вылетает заряд. Сила притяжения уменьшается, и вот какие-то из этих вращающихся электронов перестают притягиваться, становятся свободными и молниеносно срываются со своих орбит, оставляя атом вместе с зарядом из ядра. Итак, атом вещества становится легче и на один электрический заряд, и на соответствующие электроны. Гениальный земляк профессора, Менделеев, показал, что свойства элементов, из которых состоит всякое вещество, зависят от атомного веса. А атомный вес зависит от числа зарядов ядра. Что же получается, когда вылетает заряд и атом вещества становится легче?

— Вещество изменяется, — нетерпеливо прервал все еще мрачный профессор.

— Совершенно верно, меняется вещество. Ртуть имеет в ядре восемьдесят зарядов, золото — семьдесят девять, платина — семьдесят восемь, иридий — семьдесят семь... И когда аппарат Журавлева выбивает из ядра заряд, в этом

ядре осуществляется мечта алхимиков — из ртути, живого серебра, получается золото, из золота платина, из платины иридий и так далее.

Но сила, с какой вылетает заряд, так значительна, что подобно тому, как один вывернутый кирпич вызывает падение второго, третьего, пятого... и наконец всей стены — один вылетевший заряд тянет за собой второй, третий. Атом меняется, атом медленно трансформируется, пока, наконец, не превратится в атом какого-нибудь газа и тогда либо улетучится, либо, если газ тяжелее воздуха, оседет на землю. Но и этого мало.

Нечто сродни эпидемии охватывает соседние атомы. Словно заразившись, они начинают молниеносно выпускать потоки электронов, изменяться, превращаться в другие и в конце концов становятся атомами газа. Так, когда на складе с боеприпасами взрывается лишь один патрон, все соседние, все огромное хранилище патронов взрывается вслед за ним. Это так называемое явление детонации.

Очевидно, такая эпидемия распада, эпидемия быстрого поэтапного перехода от одного элемента к другому, овладевает не только тем атомом, куда угодил выстрел из аппарата Журавлева, но и остальными атомами тела.

Это должно быть что-то грандиозное. Я еще не видел этого, но я представляю себе, как огромная железная гора, город или море, если угодно, в течение какой-то минуты изменяет свою сущность, вид и вес, меняет окраску, как хамелеон, переливаясь всеми цветами радуги и, наконец, тает — да, да! — тает у вас на глазах, становясь прозрачным, невидимым газом.

При этих словах профессор взволнованно вскочил, но министр будто не заметил его и продолжал чуть ли не вдохновенно:

—А энергия, энергия! Ее при этом должно высвободиться столько, что мы заставим танцевать Луну, мы за два дня овладеем миром. Но как уловить ее? Как заставить Журавлева потрясти своим гениальным мозгом, чтобы придумать это, создать новую эпоху? Как?

И красивое лицо Бандиеры беспокойно замерло. Он задумался. Пауза продолжалась одно мгновение. Бандиера быстро сел и, улыбаясь, обратился к профессору:

— Ну, что вы думаете теперь, господин профессор? Можно дать Журавлеву два миллиона?

— Два миллиона? — отозвался профессор, будто не слышавшая и продолжая думать о своем, — нет. За два миллиона Журавлев ничего не продаст.

— Сколько же, вы думаете, он запросит? — деловито спросил Бандиера.

— Нет, вы не поняли меня, — протянул профессор, — я хотел сказать, что Журавлев вообще не продаст свое изобретение.

— Не может быть, — отрывисто рассмеялся министр, — чтобы такой умный человек был таким глупцом. Не продаст за два миллиона, предложим ему больше.

— Беда в том, — заявил профессор, — что в нашей стране дела с этим обстоят скверно. Очень много людей ничего не продают и работают на государство. Как бы вам объяснить...

— Не утруждайте себя, — перебил министр. — Я этого не пойму и вам не поверю. За деньги можно купить абсолютно все, и мы купим Журавлева, как купили вас...

— Но я работаю ради идеи...

— Любая идея оплачивается звонким металлом, и пускай мы взлетим на воздух, если я не вытащу у Журавлева его секрет...

— Джиованна, — крикнул он в телефон, — приготовьте господину профессору помещение для отдыха!

Борис понял, что пора бежать. Когда женщина, та самая, что открыла дверь, вошла в комнату, чтобы пригласить профессора в ванную, и снова вышла, провожая гостя, Борис тихонько прошмыгнул в коридор, спрятавшись за ее спиной. Пригнувшись, он осторожно пошел за женщиной. Под темной клетчатой материей ее платья деловито и уверенно двигались лопатки. В темном месте коридора Борис слегка дернул ее за юбку. Женщина вздрогнула, обернулась и, увидев Бориса, вскрикнула от испуга.

— Что? — спросил профессор, останавливаясь.

— Господи боже мой, — пролепетала женщина, — ничего, ничего, господин профессор, это мышь, — и, сунув руку в бездонный карман, она вытащила оттуда ключ и булку и поспешно протянула их назад, стараясь топтать как можно громче.

Борис схватил то и другое и благодарно прижался к стене. Как только передняя опустела, он тихонько открыл дверь и выбрался на улицу.

Был уже вечер. Видимо, часов девять. Лучшее время для зевак, бесцельно бродящих по городу. Но у черного мраморного здания народа было мало, и улица не отличалась столичным освещением. Возможно, что дом служил мало кому известным местом каких-то не совсем официальных встреч.

Борис все еще стоял на неподвижном тротуаре, раздумывая, куда направиться, когда на лестницу, ведущую к черному дому, ступило с улицы новое лицо — невысокий человек в изысканном пальто, в котелке и с большим портфелем. Что-то в этом человеке, особенно рыжеватые волосы, выбивавшиеся из-под шляпы, показалось Борису знакомым, но рассуждать было некогда, и через секунду тротуар нес его к окраине.

От нетерпения Борису было трудно устоять на месте, и он обрадовался, увидев улицу, которая вела к аэродрому (он запомнил все повороты дороги). Перескочив на неподвижный тротуар, он побежал наконец к оставшемуся на аэродроме Журавлеву.

Вот и переулок с грязным небоскребом и блеклыми фонарями, вот крошечный скверик, вот небольшой мост через канаву с вонючими отбросами, вот и сырое поле аэродрома с красными и зелеными огоньками. Да, именно сюда час назад спустились путешественники из Советского Союза.

На заборе, как и раньше, косо висел листок с фотографией Павла Зарина. Вблизи, совсем низко над землей, покачивался на якорях аэростат. В гондоле над чем-то вози-

лась, работала темная фигура человека. Борис радостно подбежал, разгоряченно шепнул:

— Дмитрий Феоктистович, скорее...

Но человек поднял чужое лицо, и Борис заметил, что азростат и гондола также были незнакомыми. Он обежал весь аэродром. Сердце его сильно билось. Ни шара, ни Журавлева не было.

Густая мгла окутывала окрестности. Где-то поблизости слышались сварливые голоса и брань. Выла собака. Чужие люди изредка проходили по одному и парами, говорили на чужом языке и несли с собой свои заботы, свое горе, свою суетливую радость.

Борис сел на скамейку и закрыл лицо руками.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

**где читателю удастся одним глазом поглядеть на то, что
делается за кулисами министерского кабинета**

Человек, поднявшись на лестницу мраморного дома, поправил галстук и нажал кнопку звонка. В дверях показалось взволнованное лицо Джиованны. Она быстрым взглядом окинула улицу и только после этого, вежливо склонив голову, вопросительно посмотрела на гостя.

— Я хочу видеть господина Бандиеру, — сказал человек по-итальянски с немецким акцентом. — Вот моя визитная карточка.

На карточке значилось:

Д-р Бенъямин ШНЕЙДЕР
директор энергетической
лаборатории Анилинового концерна

— Подождите здесь, — сказала Джiovанна и, забрав все ключи, оставила гостя в наглухо запертой передней.

Гость оглянулся, подошел к зеркалу, сделал строгое лицо и вдруг подмигнул сам себе, от чего глаза его сразу приобрели необычайно хитрое выражение.

Прямо из зеркала, хитро улыбаясь, на него смотрело рыхлое розовое лицо с щетинистой верхней губой, упрямым опухшим лбом и двумя-тремя глубокими морщинами, придававшими ему сходство с сильно помятой розовой подушкой. Благодаря этим морщинам лицо человека особенно резко и удивительно меняло свое выражение. Вот он перестал улыбаться. Глубокие морщины пролегали от переносицы к уголкам рта, и вид д-ра Шнейдера сразу сделался скорбным и важным.

— Господин Бандиера ждет вас, — сказала, вернувшись, Джiovанна и широко открыла дверь в комнату, где сидел министр.

— Позвольте, — сказал гость и, не дожидаясь ответа, привольно расположился в кресле.

— Вы из Анилинового концерна? — спросил министр. — Это самый неуступчивый из наших концернов. Мы ничего не знаем о его невероятных прибылях, нас — членов правительства Штатов — не пускают в лаборатории завода и пытаются кормить завтраками. Ваш концерн грозит промышленности раздором. Что вы хотите от меня?

— Я, — спросил Бенъямин Шнейдер, — или Анилиновый концерн?

— Вы, Анилиновый концерн, те, кто вас послал сюда — не все ли равно?

— Совсем не все равно, господин министр, — ответил Бенъямин Шнейдер, поудобнее устраиваясь в кресле, — совсем не все равно. Дело в том, что я уйду из Анилинового концерна.

— Уходите из концерна? — министр поднялся. — Тогда... Тогда позвольте мне спросить у вас откровенно.

— Прошу.

— Сколько вы получали?

— Сто тысяч тантьемы¹.

— Почему вы уходите?

— Анилиновому концерну кажется, что энергетическая лаборатория ему не нужна. Я, господин министр, решил много важных задач. Наши заводы используют почти исключительно ту энергию, что выделяется при химических процессах на тех же заводах. Кроме того, вы знаете, что у нас лучшее в мире солнечное оборудование. Эти грандиозные зеркальные веера, состоящие из миллионов зеркальных чешуек, эти системы многочисленных паровых труб, нагреваемых отраженными от зеркал солнечными лучами, эти мощные резервуары, куда идет пар, чтобы, выполнив работу, снова превратиться в воду, текущую по трубам, как кровь по венам и артериям, — все это, господин министр, мое творение. И вот, — в голосе Бенъямина Шнейдера зазвучала обида и его пухлые щеки задрожали, — и вот, когда я создал все, что требовалось, концерн решает, что энергетические опыты дали свои результаты и большего им еще лет пятьдесят не понадобится. Меня отстранили от производства, назначили на должность почетного бездельника и положили мне пятьдесят тысяч. Но я, господин министр, хочу работы по своей голове — и денег тоже.

— Да, — сказал министр, что-то записывая. — А сколько зарабатывает ваш концерн?

— Это знает только один человек на земле — председатель концерна. Впрочем, — и доктор переместил одну морщинку со щеки на лоб, — а впрочем, об этом, возможно, знает еще один человек. Я говорю о простом пайщике концерна, вашем близком знакомом, — председателе Совета министров То-Кихо.

— Что? — воскликнул Бандиера. — То-Кихо — пайщик Анилинового концерна?..

— Тссс, — перебил его Бенъямин Шнейдер, — в вашем доме могут быть посторонние уши, но я могу вас уведомить, что при его непосредственном участии концерну удалось перекупить большинство акций Южно-Африканского

¹ Тантьема — отчисления с прибыли.

алмазного треста, и сейчас господин То-Кихо изучает вопрос о том, как бы чувствительнее ущипнуть африканские владения романских стран, в которые, как мне известно, и вы, господин министр, вложили немало надежд и не один миллион золотых лир.

— Но, — медленно сказал министр, покручивая в руках тонкий серебряный карандаш, — Лига Наций, Парламент мира, договор о взаимном соглашении для борьбы с Советами...

— Все это, — прервал Бенъямин Шнейдер, — зависит от... — как это говорят по-итальянски — от пословицы: «Выше своего кармана не прыгнешь». Вам она известна?

— Да, она мне известна, — еще глуше пробормотал министр и замолчал. Потом посмотрел доктору прямо в глаза. — А ваши доказательства?

— А-а-а, — смеясь, ответил тот. — Доказательства, документы. Но вам, господин член правительства, должно быть известно, что если бы я преподнес вам библиотеку фотографических карточек и собственных подписей, вы с полным основанием могли бы спросить, в каком подвале они изготовлены. Разве дело в документах? Вы должны довериться мне, и я продам вам технические секреты Анилинового концерна, а тогда да, тогда они у нас запляшут. Но мне этого мало!

— Чего же вы хотите? — спросил министр.

— Я хочу помочь вам, я хочу продолжать свои работы, чтобы получить новые источники энергии. Короче говоря, — и все его морщины перекачивали с лица на лоб, от чего он приобрел совершенно таинственный вид, — короче говоря, я занят исследованиями внутриатомной энергии. Мне, господин министр, нужно поставить опыты на заводах, где производятся особо прочные изоляторы. Такие заводы есть в Новой Зеландии и находятся в распоряжении вашего министерства. Дайте мне там лабораторию, обеспечьте меня, и мы вместе с вами похороним всех наших конкурентов, и в том числе Анилиновый концерн, так что через пять лет об этих покойниках все забудут.

Доктор Бенъямин Шнейдер замолчал, откинувшись в кресле. Морщины медленно переползли с его лба назад и в некотором порядке расположились на непроницаемом и застывшем лице. В комнате воцарилась тишина, полнейшая тишина. Сквозь портьеры и обитые пробкой стены снаружи не доносилось ни звука.

Министр подпер обеими ладонями усталое лицо и глубоко задумался.

Визит директора энергетической лаборатории, его сообщения и предложение удивительно совпадали с мыслями, что в последнее время овладели министром. Страна, которую он любил, несмотря на презрение ко всему, что называлось чувствами, его Италия, родина новой религии капиталистов — фашизма, эта цветущая, сияющая и певучая Италия стояла на пороге промышленного банкротства. Она построила почти всю свою промышленность на богатейшем источнике энергии, на неисчерпаемых запасах внутреннего тепла нашей планеты. Старик Везувий был использован как насос, извлекавший это тепло из земли. Целая система тепловых установок питалась силой пара, нагретого в грандиозной подземной печи — Везувий толкал шпинделя паровых машин, вращал паровые турбины, грел, светил, двигал.

И все это совершенно бесплатно. Но всего с год назад, несмотря на ряд предосторожностей, на все отдушины, трещины и щели, которыми пестрел этот котел — Везувий, не желая взорваться, все же не выдержал. С такой же легкостью, как несколько тысяч лет назад, когда погибли Геркуланум и Помпея, он смахнул с себя весь мусор жалких человеческих построек и показал людям, что в природе осталось еще много необузданных сил.

С тех пор мысль всех патриотов итальянского капитализма билась над тем, как помешать медленному охлаждению итальянской промышленности, постепенному и неуклонному превращению ее в колонию остальных частей внешне единого государства буржуазии.

А тут еще эта желтая лиса — То-Кихо, пользуясь своим огромным авторитетом, посягает в союзе с химической про-

мышленностью на богатые южноафриканские владения Италии, доставшиеся ей при умиротворении племен Внутренней Африки. Недаром он в последнее время так скрытен.

«Нет, — Бандиера поднял голову, — возможность упустить не стоит. Надо использовать этого пухлого человека и его поиски внутриатомной энергии. Может, он разгадает тайну аппарата Журавлева. Необходимо свести его с Журавлевым, нужно непременно и как можно быстрее найти этого неуловимого гения.

Но нет ли здесь обмана? Впрочем, какая из капиталистических фирм осмелится вырвать секрет у правительства Штатов? Это невозможно».

Бандиера посмотрел на доктора, живые глаза которого выглядывали мышатами из-под пушистых рыжеватых бровей. В этих глазках чувствовалась сдержанная заинтересованность. Министр отвернулся и сказал:

— Ладно. Я принимаю ваше предложение. Вам отведут лабораторию при правительственных заводах изоляторов и назначат содержание...

— Миллион, — коротко подсказал Беньямин Шнейдер.

— Хорошо, — после секундной паузы продолжал министр, — миллион. Но помните, — и он сердито поднялся, — если окажется, что вы лжец, если секреты правительственных заводов станут известны какому-либо концерну, то, основываясь на правах, предоставленных правительству Лигой Наций, мы вооруженной силой конфискуем имущество этих промышленников, а вас — вас, дорогой директор лаборатории, я найду у самого черта в зубах.

— Верю, — сказал Беньямин Шнейдер и поправил галстук. — Верю и знаю. Вам не следует беспокоиться. Ни одна фирма не узнает о том, что я увидел у вас на заводах.

При этих словах в его голосе зазвенели новые — твердые, металлические ноты. Он поднялся. Министр лениво надавил кнопку и велел Джиованне проводить господина доктора.

— Да, — сказал он на прощание, — возвращайтесь сюда через два часа. Сегодня мы будем ночевать в вагонах-пу-

лях, которые за ночь доставят нас тоннелем в Новую Зеландию.

Выйдя на крыльцо, Беньямин Шнейдер оглянулся. За углом дома мелькнуло чье-то лицо. Он подошел к сигнальной тумбе на тротуаре и дважды надавил кнопку. Через несколько секунд подъехал крытый рыжий автомобиль. Назвав одну из главных улиц Рима, Беньямин Шнейдер забился в угол автомобиля, зажег свет и вынул записную книжку.

Удобно расположив ее на своем портфеле, он раскрыл автоматическое перо и мелким, но выразительным почерком написал следующее письмо:

«Глубокоуважаемый коллега. Зная вас со школьной скамьи, надеюсь, что уклад вашей жизни, привычки и, главное, характер остались прежними. Поэтому тешу себя мыслью, что вы и сегодня такой же трус, как двадцать пять лет назад. Я же, дорогой друг, сохранил всю свою давнюю решительность.

Получив это письмо, будьте добры: во-первых, разорвать его, прочитав, во-вторых, покинуть свою квартиру и незаметно пробраться в ... (указан адрес), в-третьих — оставаться там до тех пор, пока не получите мои распоряжения. Еда для вас приготовлена. Времени на размышления вам не дается. Если через полчаса после того, как вы получите письмо, вы не примете никаких мер к исполнению — я буду знать, как поступить.

Всегда готовый выполнить свои обещания
ваш школьный товарищ».

Автомобиль остановился.

— Вот и почта, — сказал шофер, и доктор, приведя свои морщины в приличный вид, зашел в стеклянное гудящее здание.

Найдя то, что ему было нужно, он быстро оглянулся вокруг и, снова раскрыв перо, надписал на конверте адрес:

ФРАНЦИЯ. ЭЛЬЗАС

Анилиновый концерн. Директору

энергетической лаборатории господину доктору
Беньямину Шнейдеру

Надписав адрес, пухлый человек улыбнулся и сунул письмо в щель пневматической трубы с ярлыком — «Эльзас». И странное письмо помчалось, гонимое страшным давлением воздуха, со скоростью выпущенной из ружья пули.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой тюремная камера оказывается удобным местом для проявления изобретательности

Людмила Чудновская и сама не знала, как долго спала. Проснувшись, она первым делом увидела собственное отражение, повторенное десятки, да что там десятки, сотни, тысячи раз. Со всех сторон, приоткрыв от удивления губы, смотрели на нее девушки в мятых голубых майках, с темными серо-зелеными глазами. Она подняла руку, чтобы поправить каштановую прядь, упавшую на глаза, и то же самое сразу проделали тысячи девушек.

«Зеркальная камера, — подумала Людмила. — Я в тюрьме. Интересно».

По сути, интересного было не так много. Камера представляла собой куб, все шесть внутренних граней которого были зеркальными. Это блестящее однообразие нарушали только прикрученная к стене кровать с серым одеялом, столик из черного полированного металла и канализационные трубы. Черный квадрат столика тысячей пятен отражался в зеркалах. От них рябило в глазах. Низкие двери также были зеркальными. Свет, мягкий, голубоватый свет, проникал сквозь матовое окно, расположенное почти под самым потолком.

— Интересно, — еще раз повторила Людмила, — посмотрим, чем это закончится, — и, поднявшись с кровати, выпрямившись, посмотрела на себя в стену и проделала ежедневную порцию гимнастики.

Но, очевидно, ей вскоре надоело смотреть на множество девичьих фигур, отрабатывавших те же знакомые движения. Она сердито легла на пол, закрыла лицо подушкой и изо всех сил ударила каблуками в зеркало. Зеркало как будто чуть-чуть поддалось, затем снова выровнялось, и камеру наполнил высокий, похожий на пение камертона, мелодичный металлический звук.

— Ого, — сказала с уважением Людмила. — Это, наверное, нержавеющая сталь, а не стекло, — и, заинтересовавшись, начала простукивать в разных местах обшивку своей тюрьмы, сделанную из металла, массовое производство которого было последним громадным завоеванием капиталистической техники.

Нержавеющая сталь с торопливостью и бесцеремонностью победителя вытесняла ряд других металлов под шум взлетов и банкротств, от которых голова шла кругом. Людмила знала это, и ее первое близкое столкновение с металлической силой было преисполнено любопытства.

Исследования и постукивания, однако, вскоре были прерваны. В двери открылось окошко, и мужской голос спросил:

— Чего вы стучите?

— Что? — переспросила Людмила. — Чего я стучу? Интересно. Послушайте, вы там, дайте поесть. Это же черт знает что такое!

Голос ничего не ответил. Но через минуту окошко открылось снова и в камере очутилась довольно скудная, хотя и вкусная трапеза.

Людмила поела и стала вновь осматривать помещение. Зеркала начали раздражать ее. Она никогда не думала, что собственная физиономия может так быстро надоест. Она показала зеркалу язык, и сейчас же тысячи языков высунулись из стен.

— Тьфу, — плюнула Людмила, — тут надо иметь выдержку. Ну да ладно. Попробуем бороться организованно.

Она принялась ходить по камере, вновь внимательно осматривая каждую мелочь.

«Первая задача, — размышляла она, — это не сойти с ума. Устрою себе Наркомздрав. Чем защищаться от этой зеркальной напасти?» И тут ее взгляд упал на одеяло.

Содрать его с кровати было делом одной минуты. Привязать одеяло к трубам и столику оказалось труднее. Провозившись с примеркой и привязыванием не менее получаса, Людмила легла на кровать и с удовольствием оглядела результаты своей работы. Глаза ее спокойно остановились на мягком сером пятне одеяла. От радости она сделала стойку на руках и, болтая ногами, прошла вниз головой по гладкому полу.

Но, несмотря на эти упражнения, время тянулось возмутительно медленно. Мысли прыгали в людмилиной голове, перегоняли друг друга, играли в чехарду и снова возвращались на то место, откуда начали свое движение. Ей не удавалось сосредоточиться на чем-либо одном — самом нужном, неотложном, но она не слишком беспокоилась об этом: все, абсолютно все, что она со скоростью кинематографической героини пережила за последние три дня, казалось ей захватывающим.

Она лежала на кровати и, устремив глаза на одеяло, вспоминала, мечтала, строила планы и снова вспоминала.

Вот почти неслышно на откидном окошке дверей опять появилась еда — какие-то огромные тропические овощи. Вот где-то далеко зазвенел звонок, и в зеркальных дверях открылся крохотный глазок, в котором поблестел несколько секунд чей-то внимательный зрачок. Вот матовый четырехугольник окна из голубого сделался ярко-белым, затем, будто заполняясь густеющим золотистым соком, изменил цвет с бледно-пунцового на пламенно-красный, вот он снова побледнел, стал серым, холодновато-синим и снова запылал молниеносным светом близкого электрического солнца.

«Надо спать», — решила Людмила и, закрыв глаза, с наслаждением свернулась калачиком.

Следующее утро началось очень организованно. Сделав гимнастические упражнения, Людмила составила расписание дня.

«Первые часы утра — воспоминания из физики. Устрою себе Наркомпрос.

До обеда — попытка познакомиться с окружающим миром: Наркоминдел.

Обед — отдых. Думать о чем угодно, без правил.

После отдыха — требования открыть окно, вызвать на допрос, освободить. Одним словом — война. Реввоенсовет.

После войны — Наркомздрав. Улучшить условия жизни. Может, придется просидеть десять лет. (И Людмила, закрыв глаза, представила себе яркий день, гром революции, толпу освободителей и себя — ветерана борьбы, революционную героиню).

Затем — думать о побеге, о связях с местными рабочими... »

Но на этом месте организованные мечтания Людмилы прервали внешние события, обошедшиеся с так старательно обдуманном расписании, как с ничтожным клочком бумаги.

Раздался звук, от которого сердце Людмилы сильно забилося и замерло. Это был классический лязг поворачивающегося в замке ключа. Через несколько секунд дверь открылась, и через порог швырнули сперва крошечный чемоданчик, а затем нового человека — людмилину товарку по несчастью. Новенькая — изящная молодая женщина в черном платье — не поднимая головы и ничего не видя, всхлипывая и ломая руки, упала на тюремную кровать. Она плакала горько, как обиженный ребенок, и тонкие брови Людмилы снова сошлись сердитыми морщинками. Людмила подошла к плачущей женщине и тронула ее за плечо.

— Кто вас обидел?

Женщина вздрогнула, подняла голову и, дрожа, посмотрела на Людмилу огромными, заплаканными, темными как ночь глазами.

— Бог мой! — вскрикнула она, очень удивленная. — Кто вы? Откуда вы? Сколько вам лет?

Людмила еще больше нахмурилась и ответила не совсем твердо:

— Семнадцать... Скоро будет. Я...

— Деточка моя, — дама вскочила с кровати и внезапно обняла и поцеловала Людмилу. — Деточка моя! Боже мой, какая вы красивая! Это же ужасно. Дитя мое... — и, забыв о том, что недавно плакала, женщина привлекла к себе немного сопротивлявшуюся Людмилу и начала гладить ее по голове.

Людмила почувствовала тонкий аромат духов и напряженное шуршание шелка. Пышные волосы обнимавшей ее женщины щекотали шею. Людмила, на минуту окаменевшая от непривычно нежных объятий, как можно мягче высвободилась и спросила:

— А вы?

— Ах, дитя мое, — и глубокие глаза дамы снова наполнились слезами. — Я?.. Да вы, может, слышали о Сусанне Миру?

— Нет, — сказала Людмила, — я издалека.

— Так вот, Сусанна Мира — это я, — несколько театрально проговорила дама. — Я боролась за право бедных женщин...

Людмила с интересом подняла голову.

— ...За право бедных женщин носить искусственные драгоценности.

— Что? — Людмила вскочила и даже раскрыла рот.

— Дело в том, дорогая, — затараторила дама, — что эти богатые гадины, жены и любовницы наших миллионеров, думают, что только они имеют право красиво одеваться. У них есть камни — целые ожерелья из бриллиантов по десять карат. Если бы вы только видели их черные жемчуга, розовые персидские алмазы, темно-синие сапфиры, рубины, что блестят на обнаженной груди, как капельки крови, изумруды... — дама перевела дух. — Но знайте, дитя мое, что ни один из этих камней не видит света дня. Это обман, полнейший и наглый обман. Недавно произошло несколько покушений на этих богачек. Их вежливо раздели и отпустили домой. И что же оказалось? Оказалось, что хитрые и

смелые бандиты были бессовестно и позорно обмануты. Как выяснилось, камни — искусственные.

— Да—а, — засмеялась Людмила. — Ну, а настоящие камни?

— Настоящие камни, деточка, лежат в сейфах под десятью замками с тысячей секретов. Но не в этом дело.

— А в чем? — добродушно спросила Людмила. — Я все еще не понимаю.

— Вот, — истерически вскрикнула дама и порывисто показала тонкие следы колец и браслетов на своих прекрасных загорелых руках. — Мы молоды и красивы. Разве не правда? — успела она при этом улыбнуться. — Нам захотелось также носить эти подделки, выполненные так художественно, что только опытный государственный ювелир, да и то с некоторым трудом, сумел бы отличить настоящую «Викторию», которая стоит миллионы, от копии, сверкающей стеклянными гранями.

Дитя мое, вы не представляете себе, какой поднялся пеполох, когда мы, несколько неизвестных в высшем свете женщин, явились на бал в украшениях с чудесными камнями, разумеется, искусственными. Эти коронованные миллионеры дуры бледнели и краснели так, что игра красок на их физиономиях затмевала игру их драгоценностей. За нами ухаживали самые богатые молодые люди Штатов. Новость о неизвестных миллионершах подхватили газеты. Ах, какая это была ночь!

Но на следующее же утро — вернее, день — мы встретили у себя на квартирах вежливых полицейских с ювелирами. А еще через два часа всем Штатам было сообщено, что наши драгоценности — искусственные.

Но мы не сдались. Мы опубликовали ответ, в котором заверяли, что все бальные камни — поддельные. Мы призывали всех женщин носить искусственные драгоценности. Пусть дорогие вещи принадлежат богачам, но мы имеем право на дешевки, если они к тому же красивы.

«Ой, ой, ой! — с грустью подумала Людмила. — Веселенькие заявления. Мне придется внести в распорядок дня

и пункт о ликвидации политической безграмотности среди местного населения».

— Наша борьба, — продолжала Сусанна, — продолжалась три месяца. И вот, — ее руки снова сжали влажный от слез платок, — вот к каким позорным действиям прибегли эти сливки нашего женского общества, чтобы отстоять свое исключительное право носить подделки. Сама жена премьера, эта хорошенькая японка с ласковой улыбкой — с холодным сердцем отправила нас...

Но Людмила, с интересом слушавшая рассказ, перебила увлекшуюся молодую женщину.

— Так и должно было быть, — спокойно сказала она, и Сусанна удивленно посмотрела на стоявшую перед ней девочку. — Эти господа иначе не могли поступить. Но зато вы поступили по-дурачки.

Сусанна обиженно вздернула свою пышную головку, но Людмила казалась уверенной в своей правоте и говорила с большой убежденностью. Сусанна была сбита с толку и совершенно потеряла почву под ногами.

— Мы еще поговорим об этом, — продолжала Людмила уже ласковее. — А теперь надо узнать, где мы и что вокруг нас творится. Станьте к этой стене под окном. Я заберусь вам на плечи.

Эта растрепанная девочка держалась так, будто не Сусанна Мира была почти вдвое старше нее, а наоборот. И, что самое удивительное, Сусанна не чувствовала себя вправе протестовать против этой перемены ролей. Она ослабела и затихла, мгновенно доверившись своей товарке.

— Вот сюда, сюда, — показала Людмила и, сбросив туфли, через секунду уже удобно стояла на узких плечах Сусанны. Перед ней белел матовый четырехугольник окна, но, протянув руку к раме, Людмила сразу же отдернула ее. Она вовремя заметила, что рама представляла собой голый, красиво ограненный провод с небольшим, но выразительным рисунком: череп, скрещенные кости и символ электричества — молния.

Ученица Журавлева достаточно хорошо знала, что, прикоснувшись к такому проводу, можно было свести на нет весь образцовый распорядок дня. Она соскочила вниз.

— Ну, что там? — спросила, выпрямляясь, Сусанна.

— Окно открыть нельзя, — сказала Людмила. — Станьте там снова, я сейчас разобью его.

— Что вы, что вы, моя дорогая, — испуганно заговорила Сусанна, бросившись к Людмиле. — Вас просто переведут в другую камеру. Зачем же тогда разбивать стекло?

Людмила поняла, что Сусанна была права. Но как же увидеть землю, замечательную, живую, черную землю, по которой можно убежать, как узнать, где она? ..

Может, пробить в стекле маленькую дырочку? Она умела это делать. Но к стеклу никак нельзя прикоснуться. И тогда, осмотревшись, Людмила вдруг очень ласково, но вместе с тем твердо, прося и одновременно приказывая, сказала Сусанне:

— Послушайте, дайте мне, пожалуйста, вашу черную юбку.

Сусанна подняла брови.

— Прошу вас, — продолжала уговаривать Людмила. — Я покажу вам примечательный фокус.

Сусанна пожала плечами и начала расстегиваться. Но потом, вспомнив что-то, поспешно раскрыла свой чемоданчик и вытащила оттуда такую же черную юбку.

— Есть!.. — восторженно воскликнула Людмила. — Станьте сюда, нет, выше, вот так, — и не успела Сусанна опомниться, как Людмила, запрыгнув ей на плечи, приставила к стеклу юбку и затем сильным и быстрым ударом карандаша пробила ровную, маленькую круглую дырочку.

— А теперь, — и Людмила с надеждой посмотрела в большие черные глаза Сусанны, — скажите мне, может, вы дальнорезки? Такой блуждающий, быстрый, немного покровительственный взгляд обычно бывает у дальнорезких. Не краснейте. Мне нужно ваше пенсне.

Глаза Сусанны одновременно выразили и удивление, и восхищение, и робость. Не говоря ни слова, она достала из чемоданчика пенсне.

Через несколько минут в камере стало темно. Людмила завесила черной юбкой окно, прорезала в ткани дырочку против отверстия в стекле, и на одеяле, висевшем прямо напротив окна, вдруг появились смутные цветные пятна. Людмила соединила стекла пенсне и поместила их около дырочки в юбке. Цветные пятна на одеяле сдвинулись, приобрели резкость, стали выразительными и яркими. Сусанна вскрикнула.

— Послушайте, да ведь это небо. А тут — бульвар Георга Пятого. Мальчишки — ой! Почему они не падают? Как вы это сделали? Почему они вверх ногами?

— Очень просто, — ответила Людмила, покраснев от удовольствия. — Мы превратили нашу тюрьму в камеру фотографического аппарата.

— Дорогая моя, — в восторге подбежала к ней Сусанна. — Вы — чудо! Я еще не встречала такой девушки. Но откуда вы все это знаете? Я рядом с вами дура, старая, темная дура.

— Здесь и знать ничего, — сказала Людмила, вглядываясь в одеяло, — от любой точки там, на улице, падает в окно луч света. В нашу камеру пытаются проникнуть все, абсолютно все лучи. Но отверстие в окне махонькое. Световые лучи сжимаются, чтобы в нее проникнуть, как пролезает ниточка в крошечную дырочку иглы. Но, попадая к нам в камеру, пучок лучей снова оказывается в свободном пространстве и расширяется на все, что попадет под руку. Вот, посмотрите.

По голубой майке Людмилы (она стояла у одеяла) промчалось ярко-красное пятно автомобиля, перевернутого вниз головой.

— Но почему все, — робко спросила Сусанна, — вверх ногами?

— Иначе и быть не может. Глядите, на самом верху одеяла виден мячик. Дети забыли его на земле. Лучи, которые отражает этот мячик, несутся к нам в окно снизу вверх; продолжая свое стремительное путешествие у нас в камере, они оказывается здесь, на верхнем краю одеяла. Напротив, эта пальма смотрит в наше окно почти что сверху. Лучи от

нее направлены вниз и попадают сюда, на нижнюю половину. Мир перевернут вверх ногами. Но это, — Людмила весело посмотрела на Сусанну, — это не мешает нам рассматривать его.

В это время в коридоре кто-то громко и сердито закашлялся. Людмила быстро сорвала юбку, и в камере стало светло. Им несли обед.

Целый час заключенные нетерпеливо прислушиваясь, все ли затихло, а затем продолжили свои опыты. Опять на одеяле появились сперва туманные цветные пятна, потом, когда стекла пенсне сфокусировали лучи, пятна превратились в деревья, дома, землю.

Но что за чертовщина! Людмила стояла перед одеялом, широко раскрыв глаза, и ее лицо выражало смешанное чувство гнева и удивления.

Что за чертовщина?

Действительно, вместо бульвара и играющих детей, вместо веселых светло-серых домов виднелось огромное, на три четверти одеяла, голубое пятно океана, пустынный пологий берег, несколько темных башен и ярко-зеленые точки редко и беспорядочно разбросанных огромных кустов древовидных папоротников.

— Мы, — сказала Людмила, и голос ее дрогнул, — мы в передвижной тюрьме.

Сусанна испуганно посмотрела на Людмилу. Та напряженно устремила взгляд на одеяло. Но ничто на одеяле не выдавало движения — лишь изредка по берегу проходил одетый в лохмотья старик или пробежал голый ребенок, занятый поиском ракушек.

Людмила молча глядела на новую картину и ломала себе голову. Сусанна смотрела на нее. Затем ей стало скучно, и она начала рыться в своем чемоданчике. Прошло еще полчаса, но Людмила по-прежнему не произнесла ни слова, изучая неподвижный пейзаж незнакомого ей скалистого новозеландского побережья. Вдруг Сусанна вскочила.

— Я что-то слышу, — шепнула она Людмиле. — Верните свет.

И в самом деле, в замке глухо залязгал ключ. Людмила едва успела сорвать с окна юбку, как дверь распахнулась и в камеру вошел надзиратель, а за ним еще три человека. Первым шел Самилла. Вторым — и Людмила, дернувшись, чуть не вскрикнула — профессор, учитель Журавлева. Третьим скромно, но уверенно вошел маленький человечек с рыхлым розовым лицом, резкие морщины которого говорили о равнодушии и сосредоточенности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

**в которой несчастливая любовь министра приносит
счастье Людмиле**

— Сусанна!

Это воскликнул Самилла, забыв свои официальные обязанности провожатого, и остановился на месте с удивленным видом быка, оглушенного ударом дубины.

Все посмотрели на Сусанну. Но молодая женщина отступила на шаг и, комически поклонившись, вызывающе подняла брови.

— Простите, — сказал смущенно, но резко Самилла, обращаясь к своим молчаливым спутникам. — Это мое частное дело, и я займусь им позже. Вы хотели видеть арестованную, профессор?

— Да, — лстивым голосом сказал профессор и посмотрел на Людмилу. — Мы с вами, кажется, встречались...

Людмила медленно села на кровать, не спуская с профессора разгневанного взгляда.

— ...Мы встречались у моего ученика Журавлева, — продолжал профессор. — Вот вам записка от него. Он болен и остался в Риме.

Людмила осторожно взяла протянутую профессором бумажку и прочитала:

«Людмила! Профессор покажет вам завод, и вы на месте расскажете ему все, что вам известно о моем аппарате. Я нездоров, но скоро приеду и позабочусь о вас.

Д. Журавлев».

Почерк был подделан замечательно. Но Журавлев никогда не подписывался своим полным именем. Он ставил лишь инициалы: Д и Ж. Людмила прекрасно это знала, но, как и два дня назад, в случае с карточкой Павла Зарина, ничем не выдала, что обнаружила обман — прогулка на завод могла оказаться полезной. Она заулыбалась и сказала:

— Хорошо, я пойду с вами.

— Ну, идите, — сказал рыхлый розовый человек и стал так, чтобы выйти последним.

— Я еще вернусь, Сусанна, — весело обратилась Людмила к своей подруге. — Не плачьте...

Самилла вопросительно и умоляюще взглянул на Сусанну, и от этого его большое грубое лицо сделалось растерянным и смешным.

Сусанна отвернулась и в этот момент поймала твердый, но приветливый взгляд голубых глаз пухлого человека. Она тяжело вздохнула и опустила глаза. У самого носка ее изысканной туфельки лежал неизвестно откуда взявшийся клочок бумаги. Она успела наступить на него ногой как раз тогда, когда надзиратель последовал за доктором Шнейдером — пухлый человек, как уже догадался читатель, был тем, кто называл себя доктором Шнейдером. Как только все вышли из камеры, послышался стук и раздался слабый голос Сусанны:

— Самилла...

Самилла вздрогнул и, сказав «Подождите», — бросился назад в камеру. Через минуту он вернулся оттуда, и на его лице дрожала растерянная улыбка.

— Пойдемте, — сказал он.

Людмила в сопровождении трех спутников вышла из тюрьмы на свежий воздух — на высокий металлический былкон-крыльцо — но вдруг остановилась и подалась назад.

Прямо перед ней снова был веселый бульвар. Детский мячик все еще лежал ни старом месте. Но немного сбоку был замечен кусок берега и море — их она также видела вверх ногами на одеяле. В этот момент балкон слегка дрогнул под нею, и вся башня легко повернулась на своей оси фасадом к городу. Море исчезло. Только тогда Людмила поняла хитрость строителей тюремной башни — она вращалась, подчиненная руке дежурного старшего надзирателя.

Самилла мрачно посадил всех на самолет, и молчаливый пожилой летчик повез их на завод.

Завод находился в нескольких десятках километров от города, в знаменитой «долине гейзеров». По этой долине можно было безошибочно догадаться о вулканическом происхождении Новой Зеландии. Повсюду били и искрились многочисленные горячие фонтаны-гейзеры, и с низко летевшего аэроплана было видно, как в некоторых топких местах глинистая жидковатая почва шла пузырьками, словно кипящая манная каша.

Аэроплан снизился прямо огромный асфальтовый двор завода, возле металлического забора, у которого были сложены поленницы дров.

— Для чего здесь дрова? — спросил Шнейдер, легко выпрыгнув из аэроплана.

— Они для чего-то нужны, — нехотя ответил Самилла. — Это — древовидный папоротник. Знаю только, что им топят печи.

Доктор Шнейдер с интересом подошел к поленнице и, отломив щепку, стал ее внимательно рассматривать.

— Мы покажем вам, — говорил профессор Людмиле, — производство изоляторов, а вы расскажете, как с их помощью Журавлев изготавливает свои аппараты.

— А вы уверены, что он занимается изготовлением аппаратов? — весело спросила Людмила.

— Да, — невинным тоном ответил профессор, и все четверо, показав пропуски, вошли в небольшое здание завода.

Первое, что бросалось в глаза — это удивительное спокойствие в работе и простота оборудования. Ни яркого пламени, ни беготни, ни грохота железа, ни делового шума современных заводов. В просторной комнате, напоминавшей хорошо обустроенную кухню, у горящих едва заметным синеватым спиртовым огнем жаровен или вокруг плотно закрытых кубов стояли люди в белых халатах и молча следили за несколькими несложными с виду приборами, исключительно точно показывавшими время, температуру, давление. Все работники были в сероватых очках.

Увидев Самиллу, люди подтянулись. Некоторые робко поклонились, но Самилла даже не посмотрел на них, и только розовый человек вежливо склонил в ответ голову.

— Ну вот, — говорил Людмиле профессор, — я точно не знаю, в чем секрет замечательных новозеландских изоляторов, но они изготавливаются именно и только здесь. Вернее, в их состав входят некоторые растительные вещества, получаемые только в Новой Зеландии, возможно, из древесовидного папоротника. Кроме того, состав, очевидно, включает сплав раздробленных осколков горного хрусталя и некоторых других минералов. Наконец, изоляторы эти делают микроскопически тонкими, совсем не такими, как десять-пятнадцать лет назад, когда считалось, что толстые изоляторы лучше выдерживают токи высокого напряжения.

— Да, это я знаю, — сказала Людмила рассеянно, и ее быстрые глаза забегали по всем углам комнаты, как у пронырливого кинооператора, который пытается заснять все, что можно — и даже то, что нельзя.

— А какими изоляторами пользуется Журавлев, — продолжал профессор, — и как?

— Журавлев? — переспросила Людмила. — О, как раз это я хорошо знаю, — и с еле заметной хитрой улыбкой она стала подробно рассказывать профессору известные ему вещи о чрезвычайно тонких изоляторах.

Лицо профессора, поначалу настороженное, постепенно начало уныло вытягиваться, и он спросил:

— Но как же он использует изоляторы в своем аппарате?

— А-а, — по-старушечьи закрихтела Людмила и, словно сразу же забыв вопрос, заговорила о чем-то другое.

Они перешли в новое помещение.

Здесь уже было не так тихо. Проведенные из соседнего здания трубы заканчивались широкими отверстиями в стенах; их них текла на полированные мраморные столы голубоватая глинистая масса. Медленно застывая, эта масса проходила через целый ряд аппаратов, которые утрамбовывали и неторопливо раскатывали голубоватое месиво, как хозяйка раскатывает тесто на лапшу. За каждым столом также стояли люди в странных очках, превращавших их глаза в глубокие провалы. Сквозь очки рабочие наблюдали процесс в сильном увеличении. Как только масса приобретала определенную толщину и цвет (для сравнения на каждом столе лежали рядом образцы, вырезанные из цветного бархата), рабочие-наблюдатели включали пресовальный аппарат и перемещали массу на соседний стол. В конце огромного, низкого зала слой массы делался крайне тонким и рабочие определяли его толщину и прочие свойства с помощью микроскопа. Здесь же лежали готовые, короткие, длиной метров шесть-семь, слои изоляторов.

Во втором здании испытывали изоляторы. На мраморном полу стояла огромная динамо-машина, чей якорь двигал паровой двигатель. Для этого использовалась энергия «долины гейзеров». Вдоль всего помещения выстроились высокие, в рост человека катушки, по виткам которых шел электрический ток.

— Ого, — с интересом сказал Шнейдер. — Здесь есть полезные вещи, — и, взяв своего спутника за рукав, он потащил его к одной из катушек.

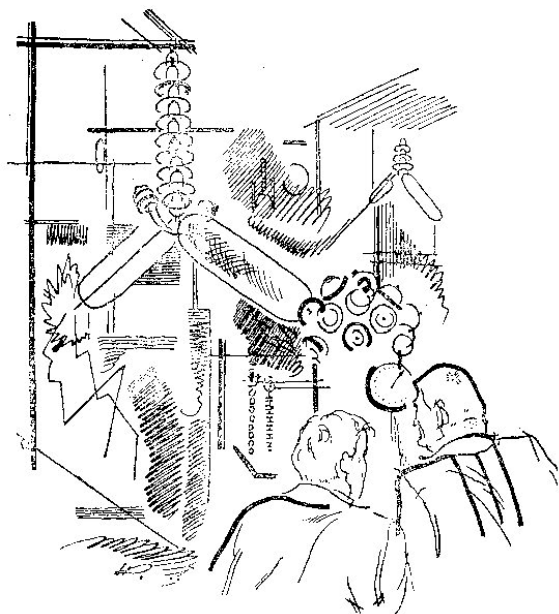
Самилла неохотно последовал за ним.

Подойдя к катушке, Шнейдер присвистнул и подскочил. Самилла вопросительно посмотрел на него.

— Вы что-нибудь в этом смыслите? — вежливо обратился к нему Шнейдер.

— Нет, доктор, — равнодушно ответил Самилла. — К чему мне?

— Напрасно, — возразил Шнейдер, — здесь действует великая сила, — и он начал объяснять, хотя Самилла почти не слушал его. — Смотрите, — сказал доктор, показывая на столбы, стоявшие у катушки и заканчивавшиеся большими медными дисками, — вот этот диск — отрицательный полюс катушки, это — положительный. На одном полюсе отложилось очень много электронов — электрических зарядов, с другого — наоборот — они ушли. Электроны пытаются перескочить с одного круга на другой. Сила этого стремления огромна. Вы видите эту цифру здесь.

— Напрасно, — возразил Шнейдер, — здесь действует великая сила.

— Да, — ответил Самилла, посмотрев на большой круглый циферблат, — стрелка показывает... — и он прочитал: — Два миллиона вольт.

— Правильно. Эта грандиозная цифра определяет напряжение электрического тока или разность потенциалов.

Напор электричества между двумя дисками огромен. Если бы между этими дисками был, например, только воздух, который, как вам известно...

— Ничего мне не известно, — проворчал Самилла.

— ...Не проводит электричество, то напор пробил бы слой воздуха, электроны перескочили бы с одного круга на другой. Но здесь, — продолжал, увлекшись, Шнейдер, — не воздух, а несравненно более мощный изолятор или, как говорят ученые, диэлектрик, который производится на этом заводе.

Действительно, между медными дисками был прочно закреплен тонкий слой голубоватого изолятора, свободно выдерживавший напряжение в два миллиона вольт.

Но изоляторы выдерживали и более серьезные испытания. Об этом свидетельствовали восторженные возгласы Людмилы, бегавшей от одной катушки к другой, позабыв о своем заточении. Профессор с видом побитой собаки шел за ней, пытаясь продолжать разговор.

— Послушайте, — говорил он сердито и умоляюще, — я вам покажу вещи поинтереснее и поважнее. А вы ответьте на мои вопросы. Как пользуется изоляторами Журавлев?

— Ах, вы такой надоедливый, — отвечала Людмила, убегающая, и снова пересказывала то, что сама слышала от профессора на лекции.

— Нет, не то, — гневался профессор, — разве Журавлев не говорил вам о... о бинокле?

— Ой, — простодушно, но лукаво воскликнула Людмила и посмотрела профессору в глаза. — Я ведь больше ничего не знаю.

— Тогда, — закричал рассерженный профессор, брызгая слюной, — тогда возвращаемся обратно! Коллега, пойдемте, — обратился он к Шнейдеру и круто, по-военному повернувшись, высоко занес длинную ногу.

Шнейдер вежливо посмотрел на профессора, и на лице его появилось недоуменное выражение. Но Самилла, как видно, обрадовался, зашагал быстрее и грубо заявил:

— Правильно. Хватит уже, пора назад.

Людмила пожала плечами и с сожалением повернулась. Она пыталась теперь держаться ближе к Шнейдеру. Этот безобидный с виду человек нравился ей больше, чем остальные спутники. Но как только Людмила подошла к нему, Шнейдер ощетинился, как и другие, надулся, точно воробей, и с деловитой миной стал постепенно отставать от Людмилы. Профессор шел впереди, Самилла позади всех. Он рассеянно насвистывал, спотыкался и не замечал людей, отшатывавшихся от него в сторону.

Тогда Шнейдер подошел к нему и начал что-то рассказывать — очевидно, смешное, потому что, рассказывая, он внезапно останавливался и начинал смеяться неожиданно густым и солидным, но заразительным смехом.

Людмила шла одна. Они проходили теперь через здание, где хранились застывшие куски изоляционной массы. Обернувшись, Людмила увидела, что Самилла заинтересованно слушает веселый рассказ Шнейдера. В ее глазах вдруг блеснули огоньки и, осторожно протянув руку, она быстро схватила и спрятала небольшой прохладный обломок. То же самое ей удалось проделать со вторым и третьим образцом. Ее просторный карман глотал маленькие плитки, почти не оттопыриваясь. Рука Людмилы потянулась за четвертым обломком. Но в этот момент сзади раздался сердитый крик:

— Руки прочь! Стоять! Выверните карман!

Это кричал Шнейдер. Он весь покраснел и гневно собрал морщины на переносице.

— Дайте сюда! Немедленно!

Быстро бросившись к Людмиле, он резко вывернул ее карман и, ловко повернувшись, положил плитки в свой вместительный портфель.

Никто не успел произнести ни слова: Шнейдер остыл так же внезапно, как вскипел, и спокойно пошел дальше, продолжая рассказывать начатую веселую историю ошарашенному его быстротой Самилле.

Профессор снова оказался рядом с Людмилой, но теперь оба молчали: она сердито размышляла о непонятном по-

ведении розового человека, он — фыркал и тщетно пытался найти ключ к тайне Журавлева.

— ...Ваш пропуск... Обыскать!

Они стояли у выхода во двор.

— Личный ордер Кабинета. Этих людей веду я, — сказал Самилла, — и привратник, отойдя в сторону, поднял дверную штору.

Профессор и Шнейдер, попрощавшись с Самиллой, сели в автомобили и поехали в разные стороны. Людмила со своим охранником направилась в тюрьму.

Когда они вошли в камеру, Сусанна лежала с закрытыми глазами на кровати. Самилла посмотрел на нее и покашлял. Сусанна наполовину открыла один глаз и, ничего не сказав, чуть зажмурила его и глянула золотистой полоской зрачка на Самиллу. Самилла, неуклюже улыбнувшись и потоптавшись, вдруг решительно вышел. Сусанна снова закрыла глаза.

Когда через несколько минут шаги в коридоре затихли, Сусанна осторожно вздохнула и, быстро вскочив с кровати, бросилась к изумленной и слегка оскорбленной холодным приветствием Людмиле.

— Душенька, — зашептала она, обнимая Людмилу и не давая ей опомниться. — Душенька, дитя мое, скорее. Вот это вам, я не знаю, что это такое, — и она протянула маленький электрический паяльник, — вот несколько ключей. Вот — револьвер. Здесь потайной ход, и здесь, и там еще. Только, милая, вам придется надеть мое платье, шляпку, вуаль и темный парик. Я накрашу вам брови, их будет видно. Только закутайтесь быстрее, быстрее, родная. Вас сейчас вызовут. Я вас никогда не забуду, — и она поцеловала Людмилу, будто прощаясь с ней навсегда.

— Но, — машинально произнесла Людмила, путаясь в тесном платье и опустив вуаль на подкрашенные губы и напудренное лицо, — но я ничего не понимаю...

— Дело в том, — ответила, поправляя на Людмиле платье, Сусанна, — что этот идиот Самилла принадлежит к компании тех молодых людей, которым я тогда вскрыжила

голову на балу. Я его терпеть не могу, но сегодня меня попросили в записке улыбнуться ему... Вот он и раскис...

— Ну, — сказала Людмила и, сжав в руке маленький браунинг, спрятала руку в карман.

Но в эту секунду дверь распахнулась, и девушка-надзиратель сказала равнодушным голосом:

— Сусанна Мира! На допрос.

— Это вас, — шепнула Сусана Людмиле и, нагнувшись к ее уху, быстро выпалила: — Ну вот, вы идите на допрос, а по дороге...

— Ага, — кивнула Людмила и сдвинула на браунинге маленький рычажок предохранителя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

где Борис узнает, что такое «подполье»

— Товарищ! Камрад! — воскликнул чей-то ласковый тихий голос, и сильная рука так осторожно опустилась на плечо Бориса, что в нем сразу поднялась какая-то теплая волна, смывшая горькое чувство одиночества. Борис поднял залитые радостью глаза, и в ответ на эту юношескую улыбку улыбнулось усталое, темное, широкое лицо высокого, пожилого, бедно одетого человека.

— Нам надо идти, товарищ. Вставай, — и Борис, сам не зная почему, доверчиво протянул руку этому чужому человеку и радостно воскликнул:

— Товарищ, кто вы? Где мы?..

Но железная рука мужчины обняла его мальчишеские плечи, и мягкий шепот быстро приказал ему:

— Потом. Быстрее. Через минуту здесь будет облава. Тебя ищут, парень.

Его слова прервал резкий свисток, будто разорвавший глухой шум ночи. Над самым ухом раздалось бешеное пыхтение мотоцикла.

Борис не успел опомниться, как его подняли в воздух и стремглав куда-то понесли. Он чувствовал на своей щеке грубоватую щетину, ноздри заполнил уютный, домашний запах дешевого табака. Ухватившись руками за шею мужчины, Борис вдруг вспомнил какое-то, должно быть, невероятно далекое время: вечер, желтый свет лампы, клеенчатый стол, полутемный угол, и кто-то несет его в сильных, нежных руках.

Но вспоминал он не более секунды. Мужчина внезапно остановился, и Борис чуть не стукнулся лбом о небольшую каменную стену.

— Перелей, — шепнул человек, и оба, подтянувшись на руках, забрались наверх.

В пяти-шести метрах ниже места, где они находились, шумела улица, не слишком светлая, но людная. Очевидно, это была мещанская часть Рима. Прямо под ними стоял полицейский. Вдруг сзади послышались звуки погони — топот ног, короткие восклицания, отрывистые вопросы.

— Где они? Куда побежали? Вы не видели? Что?

— Прыгай на него, — человек показал на полицейского и слегка подтолкнул Бориса.

Борис посмотрел вниз и увидел широкую простую спину в синем и коротко подстриженные волосы, выбивавшиеся из-под форменной фуражки. Он чуть нагнулся и прижал локти к бокам. Затем закрыл глаза, широко улыбнулся и, слегка вздрогнув, бросился вниз. Что-то ударило в грудь, будто сердце стукнулось о потолок, и он вдруг почувствовал боль на губах и металлический привкус во рту.

Кто-то кричал под ним. Тогда он, открыв глаза, понял, что это кричит полицейский, на которого он прыгнул.

«Кажется, я разбился», — подумал Борис, но сразу же попробовал подняться. Как ни странно, ноги послушались его, и он обрадованно вскочил. В ту же секунду, крича и отплеываясь, поднялся полицейский.

— Беги! — крикнул кто-то сверху Борису по-русски, и Борис рванулся вперед.

За ним мигом бросился полицейский, но его смял человек, прыгнувший сверху.

Все произошло так быстро, что удивленная и любопытная толпа собралась возле лежавшего на земле полицейского только тогда, когда Борис и его товарищ уже успели перебежать улицу и укрыться в одном из подъездов огромного дома.

Оттуда они увидели, что на высокой стене (это была стена, с которой они прыгали) стоят двое в штатском и военный. В одном из гражданских Борис узнал молодого человека, стрелявшего в Журавлева. Все трое растерянно смотрели вниз и не решались прыгать. К полицейскому уже подъезжал санитарный автомобиль.

Вдруг снова послышался резкий стук моторов, и сбоку на улицу ворвался отряд мотоциклистов, оттеснил толпу, рассыпался по углам. Наверху в воздухе появилось несколько полицейских авиэток, освещавших улицу прожекторами.

— Облава, — тревожно сказал человек, — нам надо снова бежать, парень. Дай руку.

Борис весело посмотрел на своего спутника и подал ему руку. Эта погоня начинала ему нравиться. Но его товарищ, неожиданно придав своему лицу смущенное и вежливое выражение, снял шляпу, поклонился и обратился к человеку, спускавшемуся по лестнице.

— Простите, господин. У кого я могу узнать, где в этом доме живет наемная гувернантка Аделаида Пуцци?

— Не знаю. Спросите у швейцара. Внизу. Налево. Восемнадцатый номер, — резко ответил тот, что спускался с лестницы, и Борис рванулся за своим быстро уходящим спутником.

Дверь им открыл швейцар, вставший из-за обеденного стола. Это был уже немолодой человек с чисто выбритым, чванливым лицом хорошего слуги.

— Уважаемый, — обратился к нему человек спокойно и твердо. — Где крышки теплопроводных труб?

— Зачем вам? — недовольно спросил швейцар.

— Чем меньше вопросов, — тихо произнес мужчина, — тем лучше для вас, товарищ...

Лицо швейцара сморщилось.

— Потому что, — продолжал мужчина, — отвечать вам будет этот молодой человек, — и он направил в лицо швейцара маленький черный маузер.

Швейцар попытался упасть, но человек подхватил его за плечо и сказал еще тише, почти неподвижными губами:

— Быстрее.

И швейцар, съездившись, повел их низкими переходами мимо котла центрального отопления в сырую подвальную комнату.

— А теперь, — сказал спутник Бориса и привязал швейцара к трубе, — теперь до свидания.

Затем они очутились в темном и тепловато-сыром колодце, мимо которого шла труба. Грохот города сменило спокойное журчание воды и редкое тихое шелканье различных клапанов огромной системы канализации и отопления старого города.

— Ну, сынок, — ласково сказал мужчина, — знаешь, как это называется?

— Здесь где-нибудь, — ответил вопросом на вопрос Борис, — должна быть Аделаида Пуцци, которую вы искали?

В ответ послышался тихий смешок, и Борис почувствовал, что его ласково похлопывают по плечу.

— Ха-ха! Нет, друг, эта дама умерла через минуту после своего рождения, показав нам дорогу к швейцару. А та обстановка, в которой мы находимся, называется «подпольем». Слыхал?

Борис удивленно посмотрел на него.

— Под этими домами, парень, — важно ответил мужчина, — по этим канализационным трубам мы проберемся в настоящее политическое подполье. Я веду тебя к итальянским коммунистам.

Борис взволнованно поднял голову, и его ослепил яркий свет маленького карманного фонарика. Мужчина внимательно рассмотрел небольшую, разрисованную красны-

ми, желтыми, зелеными пометками карту и, нагнувшись, быстро двинулся вперед.

Следуя за ним, Борис видел только яркое пятно света, качавшееся впереди, и руку, которую его спутник держал за спиной. На этой руке, как заметил Борис, не хватало двух пальцев.

С полчаса они шли по колено в тепловатой мутной воде; их подгоняло достаточно сильное течение. Через некоторое время трубы расширились, воды будто стало меньше. Зато температура ее повышалась. Вода уже начинала обжигать ноги, и Борис почувствовал, что его ноги словно охватили горячие, тонкие, тесные обручи.

— Надо еще разок поспешить, — сказал мужчина. — Ты не устал?

— Нет, — сказал Борис, которому очень хотелось спать. — Я иду.

— Попробуй бежать, — строго добавил мужчина. — Уже половина двенадцатого, а в двенадцать ночи в эти трубы начинает быстрее подаваться тепло из городского распределителя энергии. Рим отапливают по ночам, — и, ускорив шаг, он подал Борису руку.

— А после двенадцати? — спросил Борис, задыхаясь от усталости и жары и разбрызгивая воду, доходившую до щиколоток.

— А после двенадцати в воды в трубах не остается. Она превращается в пар, в котором мы сваримся, как раки, если ты будешь останавливаться и ползти, что твоя улитка.

Борис закрыл глаза и сосредоточил всю свою засыпавшую волю, весь остаток своего внимания на тяжелых ногах. Ноги ныли, и их нужно было поднимать, выдергивать, будто из топкой горячей глины. Он держал в руке неуклюжую искалеченную руку мужчины и, забыв обо всем, ни о чем не думая, лишь пытался передвигать эти привязанные к телу, чужие, непослушные, надоевшие, как каторга, бревна, которые час назад были его собственными ногами.

— Раз, два, три, — пытался считать он, — сто, сто один ... Резкая и внезапная боль заставила его открыть глаза.

— Проснись, парень, — говорил человек, крепко сжимая его плечо. — Ты хорошо шел — еще одно усилие.

Борис увидел, что они стояли уже не в трубе, а возле нее, в глубоком колодце, похожем на тот, откуда они начали свой путь.

— Еще одно усилие. Вот так: открой глаза, крепко обними меня за шею и держись, если не хочешь умереть. Слышишь?

— Слышу, — старательно ответил Борис и, с трудом поднимая веки, обнял своего спутника.

Человек, нагнувшись, поднял со дна колодца большой металлический круг с ремешками и веревками, быстро привязал к нему себя и Бориса с помощью висевших на круге ременных петель и, подняв круг над головой, трижды ударил ногой в стенку колодца.

В колодце раздался гул, и Борис от внезапного движения щелкнул зубами. Он почувствовал, что поднимается. Мягкий, белый свет окутал его. Внезапно стало свежо.

— Здравствуйте, Франц! — сказал чей-то новый, молодой и свежий голос. — Вовремя вы выбрались, — и Борис с удивлением увидел, что находится уже в небольшой комнате, сияющей белыми кафельными столами, и какой-то веселый молодой человек в резиновом костюме отвязывает его от металлического круга.

— Здравствуйте, товарищ, — сказал, улыбаясь, молодой человек и, сбросив резиновую перчатку, протянул Борису руку.

— Здравствуйте... — Борис все еще ничего не понимал и мрачно оглядывался. — Как это мы...

Бориса прервал довольный смех. Смеялся Франц, как называли его спутника.

— А это все наши подпольные фокусники устроили. Вот этим краном подняли из колодца железный круг, и вместе с ним нас с тобой, а надо будет, и вагон револьверов поднимут. А ты, парень, — и в голос его зазвучали отцовские нотки, — ты молодец, молодец. Тебя можно и в подполье ...

Но Борис уже не слышал ни этих слов, не чувствовал, как его вынесли на свежий воздух и понесли в один из

домов рабочего квартала. Борис крепко спал, утомленный необычными приключениями последних суток.

Проснулся он от того, что глаза защекотали острые лучики. Приоткрыв глаза, Борис увидел двух детей, которые маленьким осколком зеркала пускали зайчиков прямо ему в лицо. Еще ничего не понимая, Борис все же улыбнулся и, сладко зевнув, поднял голову и открыл глаза.

На него с любопытством смотрели две пары больших серьезных глазок — мальчик лет четырех и девочка лет девяти.

— Будьте готовы, детки, — сказал Борис, поднимаясь и потягиваясь.

Дети не испугались, но осторожно оглянулись и только после этого по-пионерски подняли ручки.

— Да, — вспомнил вдруг Борис, — тут же подполье, — и приключения вчерашнего вечера вспомнились ему, как захватывающий роман.

— Мы приготовили вам кофе, — вежливо сказала девочка.

— Ты выпьешь кофе? — спросил мальчик.

Борис кивнул головой, и через несколько минут уже сидел с детьми за столом в чьей-то немного просторной для него одежде.

Довольно быстро он многое узнал.

— Папа очень давно был на войне. Он, — и глаза девочки гордо блеснули, — он оттуда, где сейчас Советы. Из Польши.

— А ты видел, — спросил мальчик, — у него нет двух пальцев? Это ему немцы отрубили на войне. Но они в этом не виноваты, — так говорит папа. Мамы у нас нет. Ее убили «черные рубашки».

— Где сейчас папа?

— Он и Антонио на заводе.

— Антонио?

— Ну да, ты в его штанах. Это мой брат. На заводе делают из воздуха вот такие вещи, — и мальчик, бросившись под кровать, достал оттуда мешочек с надписью «селитра». Это было искусственное удобрение.

— Папа пропускает электричество по воздуху, — сказала девочка, — но мне трудно это объяснить. А Антонио пускает пар, который получают из воздуха, в воду. Это очень шипит. Если брызнет в глаза, человек ослепнет.

— Дядя Карло, — сказал мальчик, — слепой. Он делает нам игрушки и поет песни.

— Не мешай, — сказала девочка. — А если эту воду, которая шипит, высушить, тогда получается такой вот порошок, как в мешке. Его везут в деревни.

— Ты был в деревне? — спросил мальчик. — Я видел там курицу, но ее съели «черные рубашки».

— Не мешай, — сказала девочка. — Если этот порошок положить в землю, то пшеница растет значительно лучше.

— Я очень хочу в деревню, — продолжал мальчик. — Папа обещал мне показать осла. Говорит, он кричит, как автомобиль...

Они беседовали так до тех пор, пока над дверью не раздался тихий двойной звонок.

Борис вскочил. Девочка также вскочила с криком:

— Ох, я ничего не приготовила!

Мальчик со всех ног бросился к двери.

В комнату вошли Франц и молодой рабочий с серьезным бледным лицом.

— Антон Червицкий, — сказал он, протягивая Борису руку.

Франц устало откинулся на спинку стула и, посмотрев на Бориса воспаленными от бессонницы глазами, медленно произнес:

— Вот что, парень. Антонио покажет тебе, как надо присматривать за домом, где ты был вчера, и вы поделите между собой эту работу.

— Но позвольте! — воскликнул Борис. — Я должен найти своего товарища, я готов работать, но...

— Ты вчера пошел за мной, парень, — словно нехотя перебил его Франц, — ты поверил мне, ни о чем не спрашивая, хотя это и было глупо с твоей стороны; ты показал себя, парень, упорным и должен мне верить еще дня два, должен слушать меня. Понимаешь?

Борис опустил глаза.

— Я тебя не обману, парень, я помогу тебе, — и голос Франца смягчился, — а если не веришь, можешь уходить... Хорошо?

— Нет, — вздохнул Борис, — я послушаю вас. Я рад работать с вами.

— Ну ладно, — и лицо мужчины стало таким же вежливо, каким было тогда, когда Борис увидел его впервые. Затем Франц немного помолчал и лукаво добавил: — А теперь, парень, я могу дать тебе доказательство, что нашел тебя по поручению одного советского коммуниста. Он вызвал меня и дал мне пароль для тебя. Этот пароль, — он снова помолчал, — «Тара-Тири»...

Борис восторженно вскочил и раскрыл рот. Но Франц строго заявил:

— Больше я ничего не скажу.

Вся семья села за простой обед.

После обеда Антонио с Борисом пошли в город. Наступал вечер. Чем ближе к центру, тем более оживленными и людными становились широкие улицы, аллеи, лвижущиеся тротуары. Борис держал своего товарища за руку и считал ворон. «Вечный город», как назвали итальянцы Рим, не ошеломил и не удивил его. И эти широкие блестящие улицы, и торчащие тут и там, как одинокие часовые, небоскребы, и сплошной красочный поток автомобилей, и гудение аэропланов, и громкие крики радио — все это мало чем отличалось от того, что Борис уже видел в новых районах советских городов. Старинный Рим скромно прятался в тени самонадеянных сооружений современной техники и архитектуры. Эти сооружения блестили металлом и светлой поверхностью бетона. Подвижная, деловитая толпа мчалась взад и вперед, изредка останавливаясь и образуя как бы островки в своем бурном потоке. Неугомонное радио пронзительными голосами, яркими танцующими плакатами, целыми говорливыми и живыми картинками сообщало жителям Штатов политические, спортивные, биржевые, технические и прочие новости.

ПОГИБ, ПОГИБ ИЗВЕСТНЫЙ ТОРЕАДОР

ВАШ НОС — ПРЯМОЙ, КАК СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ
ТОННЕЛЬ. ВЫПРЯМИТЕЛЬ НОСА. ВЫПРЯМИТЕЛЬ
НОСА.

НОВЫЕ ТРЕЩИНЫ НА ВЕЗУВИИ

ЧТО ДУМАЕТ НАШ БАНДИЕРА О ТЕХНИКЕ ЧЕРЕЗ
ДВА МЕСЯЦА

СОЛНЕЧНЫЕ ПАДАЮТ
АФРИКАНСКИЕ РАСТУТ
СТАЛЬНЫЕ ДОЛЖНЫ ПОДНЯТЬСЯ
ВЧЕРА 10 — СЕГОДНЯ 40

А — М — П
ПОСЛЕЗАВТРА В ПОЛОВИНЕ ДЕВЯТОГО

Такими, понятными и непонятными, простыми и загадочными криками были переполнены вечерние газеты в мягком воздухе Вечного города.

Внезапно сверху, с серебристо-синего неба, начал падать самолет, оставляя за собой огненную полосу. Борис, затаив дыхание, остановился. Но самолет, не долетев немного до крыши какого-то дома, вдруг резко выровнялся и понесся вверх. А за ним понеслась и расплавленная огненная лен-

та, выводя на глубоком поле неба все увеличивающиеся буквы надписи:

КАЗНЬ
КАЗНЬ
КАЗНЬ
КАЗНЬ
КАЗНЬ
КАЗНЬ

Надпись занимала уже полнеба.

СЕГОДНЯ ВСЕ УВИДЯТ КАЗНЬ
ПРЕДВОДИТЕЛЯ МАДАГАСКАРСКИХ
НЕГРОВ-КОММУНИСТОВ — ЗОРЕ.
СМОТРИТЕ СЮДА

И на невидимый экран брызнул, как букет цветов, сноп разноцветного света. В громкоговорителях послышался шум толпы, шарканье шагов, дыхание, прибой шепота, гомон. Это — за десять тысяч верст от Рима — в Новой Зеландии — дышала, жила и сгорала от нетерпения толпа зрителей казни, переливаясь на экране яркими красками тропического дня.

Бориса сжали с двух сторон. Римские граждане так же жаждали кровавого зрелища, как и их новозеландские собратья. Толпа сжималась все теснее.

— Господи боже мой, — сказал совсем рядом чей-то наивный сочувственный голос и Борис, обернувшись, увидел пожилую женщину, которая стояла, сложив руки на животе и приоткрыв рот, и смотрела на картину, что разворачивалась перед ней.

Борис вспомнил: это Джиованна — скромная прислуга таинственного министерского дома.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

где громкоговоритель проговаривается

— ШАПКИ ДОЛОЙ!

Громкоговорители вдруг загремели. И толпа, в которой стоял Борис, как сотни и тысячи толп на всем капиталистическом континенте, сняла головные уборы. Сотни миллионов людей вынуждены были чествовать таким образом свое правительство, появившееся на экране. Борис не сразу поднял руку к кепке, и кто-то ткнул его в бок. Это оказался Антонио, который повел глазами на нескольких человек в наглухо застегнутых черных рубашках, стоявших рядом.

— ИДЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО ШТАТОВ! — сотнями глоток пропело радио, и кучка людей на экране быстро приблизилась к трибуне.

Впереди шел маленький То-Кихо рядом с высоким худощавым стариком, Генри Фордом. Толстый О'Ирн — министр финансов — переваливался следом на огромных словновых ногах. Он определенно скучал. Рядом с ним шел стройный, нервный Бандиера. Римская толпа встретила его аплодисментами. За ними шли еще несколько человек. Позади всех, внимательно оглядываясь вокруг, шел Вивич; одну руку он засунул в карман, в другой нес небольшой чемоданчик. Его бледное, желчное лицо было неподвижно, как каменная маска.

— ИДУТ ЧЛЕНЫ ПАРЛАМЕНТА МИРА! — известили радио-лакеи. На расположенных амфитеатром скамейках трибуны, негромко переговариваясь, занимали места выдающиеся представители банков, концернов, торговых фирм,

а также некоторые знаменитые спортсмены, охотники, актеры, писатели, ученые...

— Интересное зрелище? — спросил один из депутатов, и этот личный вопрос, адресованный соседу, разлетелся по всему миру.

— Да, — ответил собеседник. — Вы заметили, как молчалив Вивич? Он готовит что-то необычайное...

— Где собираетесь отдыхать? — спросил третий.

И миллионы людей на половине земного шара внимательно и робко выслушивали мелкие замечания, которыми четвертый, пятый, десятый депутаты обменивались на глазах всей планеты на удобных скамейках веллингтонского амфитеатра.

— ИДЕТ ИСПОЛНИТЕЛЬ КАЗНИ! — закричали трубы. И римские толпы, и толпа в Новой Зеландии зашевелились, вытягивая шеи.

Но когда невысокий, изысканно одетый человек, уже десять лет исполнявший обязанности палача, начал важно и в то же время легко спускаться по лестнице на громадную площадь, неожиданно раздался голос Вивича:

— Назад! — сказал он сухо, но так, что услышали все. — Назад! Казнь будет выполнена механически.

— МЕХАНИЧЕСКАЯ КАЗНЬ! МЕХАНИЧЕСКАЯ КАЗНЬ! — подхватили громкоговорители, взыв, как пароходные сирены в тумане, и палач, сделав равнодушное лицо, послушно отошел в сторону. Ему уступили место.

— Граждане Штатов, — продолжал Вивич деревянным голосом. — Сейчас сюда приведут того, кто хотел нарушить спокойствие и отнять вашу собственность.

— ИДЕТ ПРЕСТУПНИК, — заголосили услужливые глотки, и во внезапно наступившей тишине послышался ровный глухой лязг цепей.

— Товарищи, — сказал спокойный, сильный голос, и толпы по всему миру увидели бритую, большую, темно-рыжевую голову осужденного. Он медленно, но уверенно шел по металлическому помосту от угла площади, окруженный десятком полицейских.

— Товарищи, — сказал он, и толпа вздрогнула — столько силы и упорства было в голосе этого человека, идущего на смерть. Но тут же со всех сторон раздался оглушительный и неудержимый смех:

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХИ-ХИ-ХА-ХА!

Хохот рос, раскатывался, доходил до визга, переходил в рев и снова взрывался, как бочка сельтерской воды, с грохотом и шипением:

— ХА-ХА-ХА!

Можно было подумать, что смеющийся вот-вот не выдержит, покатится по полу и начнет дрыгать ногами и головой, плача от смеха. Но этого не могло случиться: смеялись огромные граммофоны-глушители, давным-давно записавшие смех известного, теперь уже покойного эстрадного весельчака. Мертвый смех хранился на твердых эбонитовых пластинках усовершенствованных граммофонов, оживая в веселые дни карнавалов и парламентских выборов.

Но сегодня этот смех никого не заражал. Он неся слепыми залпами над замершими в ожидании толпами, и лишь один человек улыбнулся в ответ. Эту тихую насмешливую улыбку на лице осужденного увидели все. И тогда хохот прекратился так же внезапно, как и начался.

В волну молчания вновь ворвались трубы:

— ЭШАФОТ, ЭШАФОТ, ЭШАФОТ!

На середину площади выкатилось на больших грузовых платформах высокое сооружение — несколько колоссальных стальных глыб. Подъемные краны плавно подняли их и, медленно повернувшись, установили в приготовленной широкой, но неглубокой яме. На стальной куб величиной с двухэтажный дом краны опустили несколько кубов поменьше. Казалось, дети-великаны играли в кубики, строя искусственную гору с гранеными, правильно расположенными уступами. Сбоку установили две высокие сквозные арки, склонившиеся над кубами, как внимательные наблюдатели. С арок бахромой свисали тонкие цепи.

— Граждане Штатов, — снова заговорил Вивич, — вы видите, как мы за одну минуту построили стальную скалу, способную выдержать бомбардировку из любых пушек.

— СЛАВА! — воскликнул громкоговоритель, и члены парламента зааплодировали.

— Но теперь, — отрывисто продолжал Вивич, — мы нашли способ разрушить даже такую крепость.

Аплодисменты зазвучали громче.

— Мы, — бросал Вивич, — покажем сейчас всему миру нашу силу, и ее почувствуют на себе все преступники, все вредные мечтатели, посягающие на закон и власть. Вот, — и, взглянув прямо на кинооператора так, что его холодные глаза остановились на каждом из бесчисленных зрителей радиоэкрана, Вивич резким движением вытащил из чемоданчика бинокль и злобно потряс им над головой, — вот наше оружие!

— СЛУШАЙТЕ! СЛУШАЙТЕ! — раздалось над затаившими дыхание толпами, и вдруг... где-то снова загрели грузовые платформы, которые везли новую стальную глыбу.

— ШОФЕРАМ ПОКИНУТЬ ГРУЗОВЫЕ АВТОМОБИЛИ! — раздалась команда и, когда прозвенел высокий металлический голос военных труб, несколько человек соскочили с машин, и машины пошли дальше сами, слепые и неостановимые, как сама судьба.

Толпа, увидев этих медленно приближавшихся чудовищ с огромным стальным горбом, откатнулась назад, но в этот миг прозвучала новая команда:

— СТОЯТЬ НА МЕСТЕ! ОПАСНОСТИ НЕТ!

И полковник Вивич поднес к глазам бинокль.

Машины и стальная гора некоторое время продолжали медленно катиться вперед, затем, быстро меняя окраску, разом остановились, будто в удивлении, и вдруг — исчезли. Ни машин, ни стальной горы больше не было.

Рев ужаса, восторга и изумления раздался на веллингтонской площади. В римской толпе также слышались приветственные возгласы. Борис стиснул зубы и сильно сжал руку Антонио, но тот даже не заметил этого. Казалось, все забыли о виновнике сборища, о человеке, который через несколько минут должен был превратиться в частицы газа.

Но Вивич снова, как прекрасный дирижер, махнул рукой, и в третий раз ворота площади пропустили грузовой автомобиль с небольшой площадкой и подъемными кранами. Еще не утих взволнованный шум, когда грузовик быстро подкатил к эшафоту, под которым стояла группа полицейских и преступник. Подъемные краны спустили площадку, и эти люди ступили на нее. Тогда подъемные краны снова начали свою спокойную работу, и площадка, поднявшись, повисла на блестящем фоне — сперва стальной скалы, а затем раскаленного неба Новой Зеландии. На этом фоне полицейские в темных мундирах и особенно рыжая голова негритянского вождя казались словно вырезанными из черной бумаги. Кран, выпрямившись, поднимал площадку все выше и выше, пока она наконец не остановилась на уровне верхнего стального куба. Привязав ноги, руки и туловище Зоре к цепям, свисающим с арок, полицейские вернулись площадку, спустившую их обратно на автомобиль. Раздался военный марш, и грузовик отъехал от эшафота.

Зоре остался один — на середине площади. Стройный и широкогрудый, он стоял, как прекрасная статуя на грандиозном пьедестале, окруженный, словно сияющим нимбом, блестящими цепями. За ним ровно дышал океан. Небо было ярким и плоским.

Зоре поднял голову и посмотрел на людей. Издалека казалось, что он хочет заговорить, но он ничего не сказал и только обвел спокойными глазами всю площадь.

В эту минуту на трибуне правительства к перилам подошел То-Кихо. Он поднял тонкую руку в перчатке, потом вдруг наставил длинный указательный палец на эшафот.

— Приговор правительства, — сказал он своим знаменитым, пронзительным и жестким голосом, которого все боялись, — гласит: так будет со всеми, кто заболел красной чумой. Мы уничтожим эпидемию. Именем Парламента мира, именем Правительства Штатов, именем порядка и закона...

Но речь премьера и чтение приговора были неожиданно прерваны. Откуда-то раздался напев — громкий, ясный, бодрый и радостный напев. Борис вздрогнул, — он знал

эти слова, этот родной с детства мотив. Какой-то безумный громкоговоритель разносил по всему миру боевые волны «Интернационала».

Толпой овладело страшное волнение. И среди этого волнения к голосу громкоговорителя присоединился сильный и глубокий человеческий голос. Это запел Зоре.

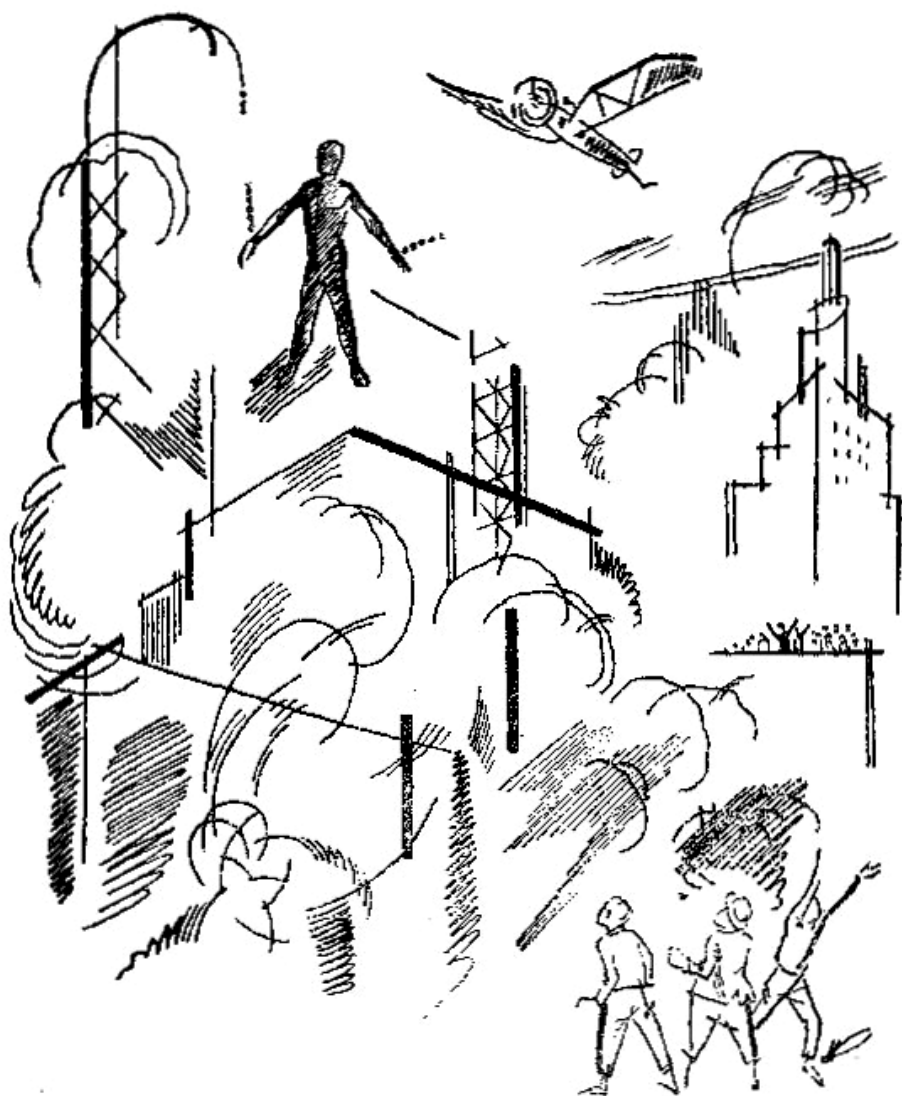
Вивич, обернувшись, сердито закричал что-то подбежавшему полицейскому и, подняв бинокль, поспешно прицелился. Секунду спустя с эшафотом, под неумолчное пение, начало происходить то же, что случилось со стальной скалой, фонарем в башне правительства и зданием английского посольства... Толпа, окаменев и позабыв о непонятной песне, смотрела, как эшафот менял одну за другой свои краски и как лицо негра, молча повисшего на цепях, вспыхивало то одним, то другим оттенком. Вдруг эшафот, кубы, арки и цепи исчезли. Но внезапно обнаженное тело Зоре медленно, будто плывя в воздухе, начало с большой высоты спускаться на землю. Негр открыл глаза. Он почувствовал свободу. В ту же минуту он увидел мчавшийся к нему авто-аэроплан. За рулем сидел молодой летчик.

Не прошло и секунды, как голый рыжий мускулистый мужчина вскочил в открытую дверцу, и авто-аэроплан молниеносно и почти вертикально взвился вверх, оставив правительство, парламент и толпу в полном смятении.

И тогда заведенный чьей-то запоздавшей рукой громкоговоритель, резко оборвав «Интернационал», залился, завизжал, покатился, взорвался смехом, разнося по ошеломленному миру:

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!

И Борис, не сдержавшись, рассмеялся.

Секунду спустя с эшафотом начало происходить то же, что случилось со стальной скалой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой проливается кровь

— Ах ты, щенок! — прошипел кто-то неподалеку от Бориса, и он увидел, как бритый человек в черной рубашке протискивается к нему через взволнованную толпу, которая толкалась и гудела, ожидая увидеть еще что-нибудь интересное.

— Мы пропали, — с тревогой сказал Антонио и рывком потянул Бориса в противоположную сторону. В ту же минуту Борис почувствовал, что кто-то смущенно смотрит на него.

— О, — тихо произнесла женщина, и он снова вспомнил ее имя — Джиованна. — Что ты наделал, парень? Беги скорее!

Борис дернулся и, пригнувшись, поспешил за Антонио. За ними быстро, но спокойно, заслоняя их широкой спиной, шла Джиованна. Не успел человек в черной рубашке оттолкнуть плечом нескольких любопытных зрителей, как все трое уже неслись на движущемся тротуаре к ближайшей автомобильной стоянке.

Но вдруг Бориса ударил сильный ток воздуха, и рука Антонио задрожала в его руке.

— Тише, — сказал Антонио, зашатавшись и еще больше побледнев, — меня ранили.

— Ничего, — отчаянно и решительно ответил Борис, — я вас донесу, — и, собрав все силы, обнял Антонио и прижал его к себе.

Его рука попала во что-то теплое и влажное, и Борис подумал: «Это — кровь».

— Дети мои, — печально, но строго сказала Джиованна. — Дети мои, кто вы такие? Почему вы смеялись? — Она подставила Антонио плечо, глазами показала Борису, где нужно спрыгнуть с тротуара и быстро побежала вперед, разыскивая свой автомобиль.

Антонио ослабел и, закрыв глаза, тихо застонал. Борис поднял его и, пошатываясь, большими шагами пошел за Джиованной. Когда они вдвоем усаживали Антонио в автомобиль, тот застонал снова.

— Господи боже мой, господи боже мой, — поспешно пробормотала Джиованна. Укоризненно посмотрев на Бориса, она начала торопливо снимать с Антонио пиджак и, разорвав его рубашку, перевязала рану.

Борис, не обращая внимания на ее взгляд, отрывисто назвал шоферу адрес Франца, который ему сказали перед уходом.

Машина послушно зашумела и понеслась по оживленным улицам, потом свернула в темный переулок и остановилась у большого дома.

Зловонная, плохо освещенная лестница встретила Бориса и Джиованну. Франц жил высоко, и они шли долго, останавливаясь на площадках. Борис мрачно молчал и сердито смотрел на Джиованну. Антонио повис у них на руках, очевидно, потеряв сознание. Только изредка сквозь стиснутые зубы доносился глубокий стон.

На условные два звонка дверь распахнулась не сразу.

— Кто там? — спросил сонный голос Франца.

— Мы, — с тоской ответил Борис, и сердце его сжалось. — Откройте!

В дверях появилось темное лицо рабочего, и в то же мгновение его высокая фигура склонилась над сыном.

— Уже? — негромко воскликнул он.

— Нет, — так же тихо ответил Борис, — он жив. Нужен врач.

Франц выпрямился во весь рост и спросил:

— На чем вы приехали?

— Можете воспользоваться моим шофером, — сказала Джиованна, стоявшая в тени. — Пусть мальчик съездит за врачом. Я помогу вам...

Но Франц, не слушая, осторожно поднял Антонио, отнес его на кровать и, схватив Джиованну за руку, помчался вниз.

— Прикажите шоферу! Я еду за врачом.

Борис остался наедине с Антонио. Раненый лежал неподвижно. Вокруг царил тишина. Только из соседней комнаты раздавались короткие возгласы. Чей-то детский голос говорил во сне. Борис вспомнил веселые детские лица, и чувство вины и непоправимого несчастья словно твердым кулаком сжало его сердце.

Но вот послышались шаги и неровное дыхание. Джиованна, запыхавшись, медленно поднималась по лестнице. Она молча вошла и села. Отдохнув с минуту, она подняла глаза на печально сидевшего у постели Бориса.

— Ну, милый, — сказала она, и на ее материнском лице появилось выражение легкой растерянности. — Что же ты со мной сделал? Вот здесь, — и она кивнула в сторону Антонио, — надо человека спасать, а ко мне завтра хозяин прицепится: что да как, и откуда кровь в автомобиле. Да что же это такое, милоч, скажи?

Борис поднял на нее серьезные, ясные глаза и ответил прямо:

— Нет, не скажу. Не могу сказать. И хозяину вашему ничего нельзя говорить. Если он о чем-нибудь узнает, то... — ему ничего другого не пришло в голову, — ...то и я буду лежать, как сейчас Антонио. Вы поезжайте домой, а шофера и автомобиль нужно будет задержать.

— Ты меня разозлил, сынок, — взволнованно перебила Джиованна. — Зачем же ты приходил к нам и прятался?

Борис ничего не ответил и посмотрел на Антонио. Джиованна вздохнула и покорно замолчала.

Опять наступила тишина. Борис подпер голову рукой, чувствуя тихое биение жилки на виске. Она, пульсируя, отбивала время. А время тянулось долго. Ему казалось, что он постарел, что Советский Союз, Журавлев, товарищи, кружок натуралистов, живая красная Москва — все это ушло в далекое солнечное детство. И, подумав о борьбе, о тревожной жизни подполья, о ненависти и терпении, он медленно поднял голову и дал себе слово быть стойким.

В это время раздались два звонка, — спокойные, короткие звонки.

Вошли Франц, шофер и человек в очках с седыми, опущенными вниз усами — видимо, врач.

Франц указал врачу на Антонио, сразу же повел испуганного шофера в другую комнату, запер за ним дверь и вернулся. Лицо рабочего было усталым и мрачным, но он посмотрел на Бориса ласково, и под этим взглядом Борис снова превратился в слабого юношу, почти мальчика, ничего не знающего о настоящей борьбе.

Врач склонился над кроватью.

Его седые усы важно зашевелились над обнаженным Антонио. Тонкими белыми пальцами он прощупывал в разных местах безжизненное тело раненого. Прошло несколько минут тоскливого ожидания. Наконец врач выпрямился и недовольно посмотрел на стоявшего поодаль Франца.

— Плохо дело, — сказал врач. — Очень плохо. Эти негодяи стреляют разрывными пулями.

Франц молча шагнул вперед.

— Плохо, — повторил доктор, — но мы попробуем, — и с неожиданной резвостью он сбросил пиджак и стал отдавать распоряжения всем, кто был в комнате.

— Спиртовку!..

— Воды!..

— Марлю!..

— В аптеку! — и он быстро написал рецепт.

— Два таза!..

— Еще воды!..

Хмуро, но точно, коротко, но деловито, как капитан, что до последней минуты борется с безнадежным ночным штормом, этот седой человек подгонял свою команду, и три человека, объединенные отчаянием, без возражений, слепо выполняли все, что нужно было делать у постели умирающего.

В этой маленькой, убогой комнате со скромными серыми обоями до утра продолжалась великая борьба с бессмысленной смертью, и старый революционер-рабочий, юноша из далекой советской страны и послушная служанка все сильного министра — все они были солдатами в этой борьбе.

бе, которой руководила врачебная наука, искусство хирурга и человеческая любовь.

Светало. Голубые предутренние лучи смешивались с желтым тлением электрической лампочки. И вдруг — над сонной итальянской столицей раздался протяжный, тонкий звук — один, второй, третий... Франц выпрямился и, повернувшись к окну, со злобой потряс своим большим мозолистым кулаком.

— Зовут, — сказал он, — зовут, проклятые. Пора на работу, — и, опершись на стул, он с тоской посмотрел на окровавленное тело сына.

Фабричные гудки запели еще раз.

Тогда врач, отодвинув табуретку с красными кусками марли, спиртовкой и инструментами, встал, потер руками натруженную поясницу и посмотрел на посеревшее лицо Франца.

— Ну, — сказал он, и его темные глаза блеснули за стеклами очков, — идите на работу, друг. Ваш сын, кажется, выживет, — усы врача недовольно зашевелились, и под ними мелькнула лукавая, усталая улыбка.

— О, — начал Франц, вскочив, но задохнулся и протянул обе руки к скромному седому человеку. — О... — и когда врач подал ему свои обожженные йодом пальцы, он схватил их и пожал так, что они захрустели.

Происходило что-то странное. Вместе с холодноватым утренним светом в маленькую комнатку будто вошел отблеск счастья и засиял на обескровленных, смятых бессонницей и тревогой лицах. Борис бросился к врачу, чтобы высказать ему свое восхищение и преданность, но тот перебил его сердитым приказом:

— Принесите воды! — Быстро умылся, оделся, дал несколько советов и, пообещав прийти через пару часов, незаметно выскользнул, словно все это радостное смятение его не касалось.

За ним, застегиваясь на ходу, поспешно убежал Франц, оставив еду для водителя и револьвер для Бориса. После и Джиованна, поднявшись со стула, вздохнула и, не сказав

ни слова, тихо побрела к двери, но перед тем, как выйти, вдруг остановилась и, обернувшись, ласково сказала:

— А ты, малыш, не беспокойся. Я ничего никому не скажу.

И вышла.

В этот момент за стеной слышались детские голоса и шлепанье босых ног на полу. Борис быстро встал и пошел к проснувшимся детям. Его рассказ был краток. Главное в том, что Антонио жив и выздоровеет. За ним нужно внимательно ухаживать. Прижавшись к другу, белые в своих рубашонках, дети сидели и слушали его так, как будто он рассказывал об интересном, но заурядном событии в их насыщенной борьбой жизни.

Уже через несколько минут Борис задремал, сидя на стуле у кровати Антонио. Он был уверен, что его встряхнут и разбудят, если будет нужно — но никак не ожидал, что это случится именно так.

— Послушайте, — повторяла девочка, дергая его за руку, — вам письмо.

— Что? — Борис вскочил, ударившись головой о шкаф.

— Вам письмо, — повторила девочка, — от папы. Принес рабочий с завода. Вот оно.

Борис посмотрел на Антонио и, увидев, что тот скорее спит, чем лежит без сознания, протянул руку за бумажкой. В записке говорилось:

«Парень! Тебя вызывает твой учитель. Беги на аэродром. Маршрут 17, площадь Модильяни. Тебя сменят. Записку порви».

Борис протер глаза. Что? Журавлев? Казалось, что во сне, посреди туманных и тревожных грез, Бориса вдруг окатили ведром холодной воды. Он сразу вспомнил о том, из-за чего они с такой быстротой перемахнули через казавшуюся непроходимой границу между двумя политическими полюсами, наскоро объяснил стоявшему перед ним рабочему, что надо будет сделать, когда проснется Антонио, поцеловал ошеломленных детей и стремглав бросился вниз.

На улицах, несмотря на рабочее время и полуденную жару, было неожиданно много народа. Все мчались в том же направлении, что и Борис. Везде мелькали черные рубашки и раздавался их сердитый и отрывистый говор.

— В чем дело? — спросил Борис у своего соседа по движущемуся тротуару, изысканно одетого юноши с ленивым лицом.

— Вы не знаете? — ответил тот, безразлично осматривая Бориса прищуренными глазами. — Вы иностранец?

— Да,

— О, тогда вам не понять, — сказал юноша, и его лицо скорчилось в гримасу. — Статуя Основоположника (так называли Муссолини) исчезла.

— Ого, — сказал Борис, догадываясь, но поднимая брови. — Как же?

В эту минуту в толпе пассажиров слышались крики удивления и ужаса.

— Еще!.. Еще!.. — заговорили вокруг и, расходясь, как круги на воде, по толпе поплыли и заволновались слухи.

— Мемориал войны... также исчез... без следа... Просто растаял... Не может быть?.. Собственными глазами видел.

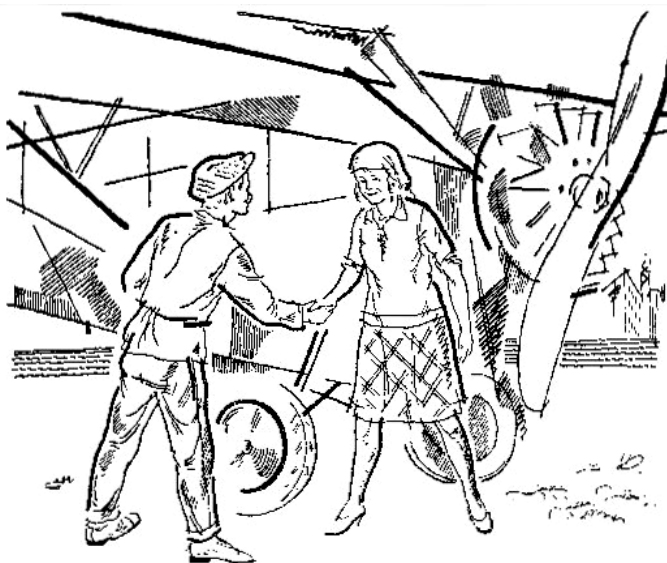
Борис понял. Это Журавлев так рискованно, но весело извещал своих друзей, что прибыл в Рим. Исчезновение статуи Муссолини и огромного сооружения, построенного из захваченных на войне орудий и боеприпасов, было безобидной, хотя и многозначительной шуткой, весьма неприятной для воинственных фашистов Италии.

Толпа мчалась и нервно гудела, как испорченный механизм. Но Борис вскоре отстал от толпы. Он свернул в переулок, откуда шла дорога на аэродром. Это был грязный, тесный переулок, похожий на тот, что вел от аэродрома к дому Бандиеры. Он был почти пуст, только полуголая стая детей возилась у тротуаров и ворот. Такие резкие переходы от шума, блеска и чистоты к грязным картинам старых кварталов встречались в Риме очень часто.

Борис уже подбегал к аэродрому, волнуясь, но старался не спешить — за полтора дня он научился быть осторожным. На аэродроме, на площадке, куда прибывали аэро-

статы, было пусто. На стоянке аэропланов виднелось несколько машин. С ними возились механики, а вокруг были разбросаны промасленные тряпки, банки из-под смазки и инструменты. Борис осмотрелся, но Журавлева не увидел. Когда он проходил мимо аэропланов, заглядывая людям в лицо, молодой механик посмотрел на него и тихо сказал:

— Здравствуйте, Борис!

— Здравствуйте, Людмила!

Борис вздрогнул, остановился и посмотрел на того, кто с ним поздоровался. Вдруг он покраснел так, что кожа на лице стала совсем прозрачной, словно что-то внутри него вспыхнуло красным бенгальским огнем. Он спустил глаза вниз, сразу же поднял их, и они заблестели, как два светлых луча на все больше и больше красневшем лице. И, решительно протянув руку, он сказал:

— Здравствуйте, Людмила!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой цель путешествия Журавлева окончательно
проясняется

— Мы виделись в Москве, — сказала шепотом Людмила, и едва заметный розовый оттенок, как отблеск пожара на лице Бориса, появился у нее на щеках, — в Москве, в вашей квартире, у Дмитрия Феоктистовича.

— Да, — ответил, не сводя с нее глаз, Борис, — я очень хорошо это помню.

— Я тоже, — сказала Людмила и нахмурилась, чтобы не улыбнуться.

— Вы помните меня? — сказал Борис и начал старательно крутить свой пояс.

— Ну как же, — весело воскликнула Людмила, — вы мне страшно понравились.

Борис спустил голову...

— Я очень рада, что встретила вас здесь. Тут так интересно. Правда?

— Да, — сказал Борис смущенно.

— А теперь я приехала, — продолжала она живо, но так же тихо, — чтобы здесь остаться.

Борис восторженно посмотрел на нее.

— А вам, — многозначительно проговорила Людмила, — надо немедленно ехать туда, откуда я приехала.

Глаза Бориса вдруг потухли, и он почувствовал себя маленьким и несчастным.

— Вас отвезут к Дмитрию Феоктистовичу. Ну, вот ваш спутник, он уже выспался.

К Людмиле быстро подошел невысокий смуглый человек и неприязненно посмотрел на Бориса.

— Садись, — сказал он и показал Борису, куда сесть.

— Уже?

— Да, — сказала Людмила, и у Бориса екнуло в груди.
— Нужно спешить. До свидания...

Но человек крикнул:

— Отойди!

Аэроплан, разбежавшись, так внезапно оторвался от земли и взмыл в воздух, что Борис ничего не успел ответить. Посмотрев вниз, он не узнал в механике, одетом в плотняный костюм, девушку, с которой говорил несколько секунд назад.

Путешествие показалась Борису очень быстрым. Его молчаливый спутник, казалось, был захвачен только одной мыслью — побить рекорд скорости перелета на десять тысяч километров. Они надели кислородные респираторы, наушники и очень теплые куртки, прикрепили в разных местах пружинистые, наполненные гелием шары, спустили стены в гондоле и поднялись на огромную высоту в двадцать километров, где воздух был сильно разрежен. Затем летчик нажал на какой-то рычаг, и стальная птица, враз сложив крылья, стала похожа на летучую мину. Тогда летчик ловко установил на носу и на корме аэроплана два аппарата. Борис услышал взрыв и почувствовал легкий, но отчетливый толчок, потом еще взрыв, еще и еще — аэроплан сломя голову бросился вперед и гигантскими прыжками помчался в небесном просторе. Летчик выключил мотор. Он стал лишним здесь, где сопротивление атмосферы, позволявшее аэроплану держаться в воздухе, было очень слабым. Теперь аэроплан двигался новым способом, который помогал развивать бешеную скорость. Этот способ много лет назад придумал, но не воплотил в жизнь известный русский изобретатель Циолковский. Аэроплан летел, подобно ракете. Выпуская взрывчатые газы, он двигался в противоположную сторону — по закону «действие равно противодействию»: так при выстреле «отдача» отталкивает пушку в сторону, противоположную выстрелу.

Часов десять летели они над водными пустынями Атлантического, а затем Великого океанов, но вечер все не наступал. Хотя и значительно медленнее, чем земной шар, они все же летели в одном с ним направлении, и солнце

по-прежнему висело в небе, едва смещаясь, как казалось путешественникам.

Но вот спутник Бориса снова включил мотор. Взрывы поредели, газ из шаров был выпущен, крылья с треском развернулись, и аэроплан спустился. Борис с наслаждением снял маску и посмотрел вниз. На горизонте появилась земля — длинный, зеленый, изрезанный многочисленными заливами и бухтами берег. Это была Новая Зеландия.

Еще час — и самолет спустился между двух высоких холмов на аэродром, расположенный в долине.

— Пойдем, — коротко сказал Борису пилот, и Борис не успел даже размять и растереть затекшие ноги.

Вскоре они пришли в город и очутились у небольшого дома. На простой клеенчатой двери значилось:

ПРАЧЕЧНАЯ

Летчик без стука толкнул дверь, и они вошли в комнату, наполненную белым густым парой. В комнате стояли над корытами два человека. К одному из них и бросился Борис, чуть не споткнувшись от волнения.

— Ну, ну, — успокоил его сказал Журавлев, поднимая ворчливое и вместе с тем лукавое лицо. — Не надо так буйно, мой молокосос, триста тысяч ампер тебе в лысину. Ну, здравствуй.

Он подал Борису руку с таким видом, будто они виделись утром за завтраком.

— Рассказывай.

И, когда Борис разом выпалил все, что, по его мнению, было интересно для Журавлева (сюда не вошло, например, описание игры красок на его физиономии во время разговора с Людмилой), Журавлев задумчиво пощипал усы и протянул:

— Да-а.

Затем он встал, положил в корыто разное тряпье, валявшееся на доске — с тряпок капала густая голубая жидкость — и, открыв шкафчик, извлек оттуда несколько кастрюлек с едой.

— Возьми, — он протянул их Борису, — и пошли.

И Журавлев повел его в соседнюю комнату.

Эта комната напоминала лабораторию, застигнутую неожиданным переездом.

На ограниченном пространстве пола, полочек, столов, стульев и даже помятой постели лежало, стояло и просто валялось очень много довольно однообразных, что правда, предметов: колб, ванночек, реторт. Кроме того, здесь было несколько электрических приборов-измерителей, огромный аккумулятор, а также много застывших, как столярный клей, голубых, непрозрачных обломков какого-то материала.

— Вот, — сказал Журавлев, показывая на тарелки. — Садись и уничтожай то, что приготовила новозеландская природа для твоего проголодавшегося желудка, а я, — и он обвел рукой комнату, — расскажу, как мы здесь заканчиваем дела и дам тебе еще одно, последнее поручение.

— Ммугу, — согласился Борис, уплетая блюдо из какого-то неизвестного ему животного.

Журавлев выглянул в окно, после запер дверь на ключ и убедившись, очевидно, что рядом никого подозрительного нет, быстро поднялся по лестнке до самого верха стены. Повозившись несколько секунд, он открыл потайной ящик и достал четыре аккуратно заклеенных пакетика.

— Это, — тихо сказал он, указывая на пакетики, — это главная цель моего спешного путешествия.

Борис перестал есть и умоляюще посмотрел на Журавлева.

— Не страдай, малыш, — засмеялся тот. — Я тебе сейчас расскажу, в чем дело.

Борис снова положил в рот порядочный кусок неведомого животного и наострил уши.

— Здесь, — сказал Журавлев, кивнув на пакеты, — лучшие изоляторы в мире. Я их похитил с неожиданной помощью Людмилы. Вот за ними я и ехал.

— Всего-навсего? — воскликнул Борис.

— Да, мой малыш, — спокойно ответил Журавлев. — На деньги капиталистов твое «всего-навсего» вместе с этим биноклем можно оценить не в одну сотню миллиардов золотых кругляшков, а на наш советский счет — этому просто нет цены.

Борис посмотрел на пакеты, ничего не понимая.

— Дело в том, — продолжал Журавлев, — что изолятор из этих пакетов способен сохранить те многочисленные потоки энергии, что возникают при расщеплении вещества. В одном грамме вещества, по расчетам некоторых ученых, содержится энергия, которой достаточно для кругосветного рейда океанского парохода. Понимаешь ли ты, дорогой мой крокодилище, что этой изоляции нам на первых порах хватит, чтобы превратить любое количество материи — не граммов, а тонн и сотен тонн — в сказочную, фантастическую энергию.

— А вы сами, — спросил Борис, — разве не могли придумать такую изоляцию?

— Почему же нет? — ответил Журавлев. — Просидел бы пару-другую брюк, поработал еще год и изобрел бы, тем более, что у меня уже есть много усовершенствований в этой области.

— Ну?

— Ну, штука в том, чудила ты эдакий, что здесь, у этих распаршивых капиталистов, тоже есть свои ученые, и довольно неплохие. Придумай они такой бинокль, как мой, и вся техника Штатов сразу же дала бы нашей тысячу очков вперед. Для шансов социалистической революции это стало бы не очень-то приятным сюрпризом.

— А теперь?

— Теперь никак. Теперь мы, обогнав их, не сегодня-завтра увидим на дворце Лиги Наций красный флаг. Получается, что погоня за изолятором, мое решение его похитить, а не придумать или изобрести заново — работа ничуть

не менее полезная, чем соревнования в гонках на стадионе Профинтерна.

— Еще бы, — с восторгом буркнул Борис и размашисто отодвинул три пустых кастрюльки.

Журавлев одобрительно посмотрел на него и сказал:

— Ловко. Впрочем, это пригодится. Тебе, прекрасный юноша, надо лететь обратно.

Затем его лицо посерьезнело, и он нагнулся над столом к Борису.

— Тебя повезет тот же летчик. Он — коммунист и выдающийся изобретатель. Фашисты убили его родителей и сестру. Эти два пакета ты отдашь в Риме Людмиле и, не задерживаясь, полетишь с пилотом через Турцию в Москву. Там сразу же, не заходя домой, отправишься в университет, найдешь профессора Шейнмана и передашь ему остальные пакеты. Оружие с собой?

— Да, — сказал Борис, показывая револьвер, который дал ему Франц.

— Возьми еще этот бинокль, — и Журавлев достал из чемодана новенький продолговатый бинокль, — обращаться с ним несложно. Это медное кольцо, вращаясь, спускает пружину и разбивает патрон со сжатым воздухом. Сжатый воздух, вылетая из бинокля, образует порывистый вихрь. В этот момент внутри бинокля от одного полюса к другому проскакивает с бешеной силой электрическая искра, которая попадает в вихрь. Эта искра, эти электроны, сохраняя по пути огромную, до сих пор никем не достигнутую скорость — 0,9999 скорости света, то есть почти 300 000 километров в секунду — летят в то место, куда доходит вихрь, иными словами, метров на 400-500.

— Так мало? — воскликнул Борис.

— Для дальнобойного орудия, — сказал Журавлев, — пожалуй, маловато. Но для электрона — больше любых достигнутых расстояний. И потом, растак твою тетю, это же устройство не для войны, а для получения энергии. А для энергии такого расстояния достаточно, иначе скорость электронов уменьшится. Энергия медленного или даже очень быстрого (но не такого быстрого, как у меня) электрона ни-

чтожна. Но при скорости, почти не отличающейся от скорости света, масса электрона значительно увеличивается, а значит, увеличивается и работа, которую может выполнить этот шустрый мелкий заряд. Он пробивает оболочку атома и расщепляет его ядро...

— Остальное я знаю, — перебил Борис, вспомнив взволнованную речь Бандиеры.

— Прекрасно, — сказал Журавлев. — Значит, ты понимаешь, в каких случаях будет полезней обороняться биноклем, чем револьвером. Помни, что для тебя самого бинокль безопасен, так как в нем, несмотря на колоссальную разницу потенциалов между полюсами, все построено на прочнейших изоляторах, хотя и не таких устойчивых, как эти, — и он показал на пакеты, — но имеющих зато другие нужные свойства... Помни также, что из бинокля можно выстрелить только пять раз. После этого понадобится новая порция патронов со сжатым воздухом.

— Хорошо, — сказал Борис, вставая и надевая кепку, — а что еще передать?.. — И он замялся.

— ...Людмиле? — спросил Журавлев. — Ничего, кроме пакетов. Расписание и маршрут в Москву я для нее уже составил.

— А?.. — Борис снова помолчал. — А вы?..

— Мне нужно, — сухо вато пробормотал Журавлев, — еще кое-что испытать и разузнать. Я хотел бы получить более подробные сведения об изготовлении изоляторов... Ну а теперь, — и Журавлев, поднявшись, неожиданно обнял Бориса, — ступай, дорогой, и будь осторожен. Ведь я посылаю эти пакеты только с двумя людьми, — и, оборвав ответные нежности Бориса, он повторил: — Будь осторожен и все такое прочее, — и открыл перед ним дверь. Мрачный летчик уже восседал снаружи в аэроплане-ракете.

Борис быстро вскочил в машину и, нащупав в кармане пакеты, оглянулся. Но дверь уже закрылась. Журавлева уже не было.

Сидя у себя, Журавлев тихонько напевал под нос неизвестный мотив и с непривычной задумчивостью смотрел в

окно. Затем медленно, как бы нехотя, он вынул из чемоданчика, валявшегося под столом, крашенные резиновые подушечки, рыжеватый парик, бутылочку с какой-то жидкостью и начал гримироваться, становясь все больше похожим на доктора Шнейдера. Когда все было готово и морщины, спустившись к губам, выполнили свое предназначение и придали лицу грустную важность, послышался стук в дверь.

Рыхлый розовый человек, сохраняя местоположение морщин, подошел к двери и сердито открыл ее.

— Не утруждайтесь, дорогой ученик, — насмешливым голосом сказал профессор, и десять полицейских, стоявших рядом, направили на Журавлева револьверы, — не причиняйте себе лишних хлопот. Я видел, как вы гримировались. Вы арестованы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

которая начинается и заканчивается заслуженной бранью

— Ах, это вы, дорогой учитель, старый золотарь, испорченный аккумулятор ненужных сведений? Мелкотравчатый шпион! Пустой говорильный кран, свежеекрашенный пустоголовый предатель!..

— Гражданин Журавлев! — попытался было профессор пресечь это вольное излияние слов, — гражданин Журавлев!

Но Журавлева нелегко было остановить. Завоевав полное и увлеченное внимание явно заинтересованной публики, которой собиралось все больше и больше, он весело и вдохновенно продолжал:

— ...Так это вы, уважаемая фашистская плевательница, потрепанная белогвардейская тарррррарабумбия, эквивалент глупости и измены, полный и тетраэдричный болван, чер-

нильная окись, суррогат лабораторной продукции, ржавая вешалка с торичеллиевой пустотой, продажная лысогорская ведьма...

Но тут, решившись на отчаянные меры, профессор пронзительным и писклявым голосом ворвался в эту словесную бомбардировку:

— Если вы не прекратите, я прикажу стрелять!..

— Неужели?

Журавлев на секунду остановился и в мгновенной тишине лукаво посмотрел на людей, стоявших перед ним, потом перевел глаза на многочисленных зевак и вдруг, с молниеносной быстротой подняв бинокль, повернул кольцо.

В толпе раздался смех и неприличные возгласы. Несколько полицейских вскрикнули. Профессор тотчас заверещал упавшим голосом:

— Ай, ай, ай!..

И в ту же секунду, под улюлюканье, свист, хохот и радостные крики одинаковых во всем мире мальчишек, отряд полицейских и профессор, голые, в чем мать родила, пустились наутек, как зайцы. Вдогонку, подхлестывая и подгоняя беглецов, неслись веселые завывания благодарной за зрелище толпы.

Лучи журавлевского аппарата прошли сквозь сложно организованные клетки живых организмов, но не убили людей, а раздели и обезоружили их, расщепив металл, дерево, ткани.

Журавлев, однако, не смеялся вместе с зеваками. Он поспешно исчез за дверью с табличкой «Прачечная» и через несколько секунд уже без грима понесся на автомобиле по дороге, спиралью обвивавшей скалу, на которой высилась башня правительства. С ним был чемодан и бинокль.

— Стой! — скомандовал громкоговоритель, и металлический заслон преградил ему дорогу.

Но Журавлев коротко глянул в бинокль, вложил в него несколько похожих на катушки предметов и понесся дальше. Еще несколько разрушенных преград, перерезанный телефонный провод, два разоруженных отряда — и Журавлев подъехал к входу в башню.

Справиться с привратником оказалось немного труднее: удивленный отсутствием регулярных условных сигналов дорожной охраны, тот при виде автомобиля насторожился и открыл огонь. Одна из пуль оцарапала плечо Журавлева. Другая разбила фонарь автомобиля. Разоруженный и раздетый привратник все же набросился на Журавлева с кулаками. Тот изумленно и одобрительно засмеялся, но, не вступая в бой, увеличил скорость и пронесся мимо разъяренного голого человека.

Затем он внезапно затормозил и остановился. Впереди круто шел на подъем высокий тоннель. Двумя поворотами выше находился въезд в гараж правительства. Журавлев, немно-го волнуясь, поднял руку и почесал в затылке.

«Черт! — подумал он, — тара-тара-тири, пока что все идет прекрасно. Только бы мои ребята долетели до Союза. Тогда, дорогой Де Же (так он мысленно называл себя самого), твоя задача будет выполнена. А теперь, — и он весело посмотрел на чемоданчик и на бинокль, — теперь пошалим, пустим погоню по чужим следам. Придется мне, черти меня заberi, стать приманкой для этих охотников».

И, громко затянув «тара-тара-тири-тири», он двинулся вперед.

А в это время в нескольких шагах от него шло заседание Кабинета. Шли споры, злобные и нервные. По одну сторону стола сидел побледневший сквозь загар Самилла и мрачно разглядывал какие-то завитушки ковра. Маленькими плоскими ушами дегенерата он слушал вопли То-Кихо.

— Вы, — кричал ему То-Кихо, — вы не оправдали наших надежд, вы были слишком медлительны! Откуда взялся в громкоговорителях этот ужасный мотив? Почему при осмотре не была обнаружена непредусмотренная церемония-лом настройка радио? Почему, наконец, вы не позаботились своевременно записать голоса всех присутствовавших во время казни? У вас при полиции есть физиологический институт, который расшифровывает преступника по голосу.

— И куда, — медленно, но веско перебил Вивич, — по-девалась московская пленница, владевшая тайной аппарата для разрушения атомов? Можно ли доверять вашим тюремным запорам?

Самилла повесил голову.

— И кто, — снова завелся То-Кихо, — кто осмелился из-под нашего носа, из-под длинного и глупого носа Правительства Штатов, господа министры, — обратился он к окружающим, — вывезти этого осужденного на смерть коммуниста?

— О, — глухо сказал Самилла, — я узнал ее. Это была она, наша пленница.

— Да-а, — почти весело протянул О'Ирн и вздохнул. — Дело, джентльмены, принимает забавный оборот. Коммунисты поют свои любимые песни, коммунисты отказываются превращаться в газ вместе со сталью (кстати, дорогой Вивич, почему вы предварительно не испытали ваш аппарат на каком-нибудь кролике? Может, тогда бы нас не оставили в дураках?). Коммунисты бегут из тюрем и улетают на аэропланах. Не хватало еще, чтобы у нас в Кабинете появились грозные члены этой таинственной организации. А?

— Что ж, это возможно, — сказал чей-то незнакомый, насмешливый, звонкий голос — и все вздрогнули и обернулись.

В дверях, взломанных без всякого шума, стоял высокий, широкоплечий мужчина в странном белом балахоне, с чемоданом и электрическим паяльником в руках, глядя на всех честными голубыми глазами.

Разгневанный То-Кихо беспомощно посмотрел на чистый и пустой сигнальный экран.

— Ну? — сказал Журавлев, — действие продолжается, господа министры. Вот вам и коммунист.

В комнате будто подняли невидимый занавес, и все присутствующие инстинктивно, как перед огромным черным зрительным залом, подтянулись и изменили позы. То-Кихо гибко и быстро протянул желтый палец к кнопке звонка, Форд резко поднялся, Самилла, повеселев, поднял голову, О'Ирн небрежной, но дрожащей рукой поднес к гла-

зу монокль, Вивич спокойно полез в карман. И в тишине было слышно, как щелкнул курок.

— Я — Журавлев, — сказал мужчина и снова будто повернул выключатель: вся картина показалась освещенной новым и внезапным, изменившим ее светом.

— Вы? — воскликнул Бандиера и радостно шагнул вперед.

— Ну, — сердито и непонимающе сказал То-Кихо.

Железные желваки снова выступили на ожившем лице Вивича.

О'Ирн выпустил из пальцев монокль и встал.

Все зашевелились, задвигались в своих креслах, повернув головы и нетерпеливо наклонившись вперед.

Журавлев отошел ближе к стене и продолжал:

— Да, я — Журавлев, изобретатель средства, которое в тысячу раз увеличивает мощь техники и в кратчайшие сроки изменит лик Земли.

— Неужели вы, — чуть ли не молитвенно воскликнул Бандиера, — сумели изобрести?..

— Да, — важно произнес Журавлев, — я, господа министры, изобрел способ не только расщеплять атом, но и накапливать значительную энергию, возникающую в результате расщепления.

— Это — переворот! — безумным голосом закричал Бандиера и вскочил на стол. — Это новая эпоха!..

— И вот теперь я пришел сюда, чтобы...

Молчание стало напряженным, как готовая лопнуть струна.

— ...чтобы предложить вам не проливать лишней крови и сдаться.

То-Кихо засмеялся и стукнул кулаком по столу, но Журавлев продолжал, словно не заметив:

— Я знаю, глупо требовать от волков, чтобы они не кусались, когда их хватают звероловы, но я пришел предупредить вас.

— Он сошел с ума, — шепнул О'Ирн сидевшему рядом Форду.

Но тот отрицательно покачал головой и продолжал слушать дальше.

— Дело в том, — говорил Журавлев спокойно, как на лекции, и только глаза его блестели веселее обычного, — что вам ничего другого не остается, господа министры. Начать войну? Но вы знаете, что это означает взорвать самих себя. Кроме того, я должен вам сказать, что треск при этом получится довольно слабый, так как при первой же попытке двинуть войска, при первой же вспышке насилия большинство ваших складов военного оружия — все эти грозные хранилища смертоносных газов и разрушительных взрывчатых веществ, весь этот запас смертей и горя, что вы накапливали в течение многих лет, все это мирно и безболезненно растает, как сахар в водичке. Десяток таких биноклей, — и он, вынув из кармана бинокль, демонстративно помахал им, — находится в надежных руках в вашей стране, поблизости от ваших складов. И этого будет достаточно для того, чтобы с самого начала предотвратить войну.

— Мошенник, — мрачно сказал То-Кихо, — я вам не верю.

— Как хотите, — сухо возразил Журавлев. — Это ваше дело. Я только хочу рассказать вам, что предусмотрено на ближайшие годы, если вы осмелитесь, как всегда, вести себя точно слепые безумцы.

Члены Кабинета шумно зашевелились, но не произнесли ни слова.

— Я, — продолжал Журавлев, — оставил в Советском Союзе точные чертежи и указания, по которым будут изготовлены бинокли, расщепляющие атом. Еще несколько дней, может, несколько часов — и московские аккумуляторы и аккумуляторы по всему Союзу соберут огромное количество бесплатной энергии. Советский Союз станет неизмеримо богаче, чем был. Уже сейчас его техника настигает вашу. Но пройдет немного времени — и вы отстанете от нас, дорогие волки, как телега от самолета. Это значит, что...

Но здесь не выдержал О'Ирн. Он вскочил и, огромный, как гора, задыхаясь, пошел на Журавлева. Журавлев плотнее прижался к стене и продолжал громко, открыто, нас-

мешливо, нападая, будто очерчивая шпагой свободное пространство.

— ...О, это значит, мои дорогие враги, что те хрупкие опоры, на которых держалась ваша мощь, развалятся, — он подчеркнул это слово, — и все вы весело полетите вниз головой и вверх вашими уважаемыми тормашками...

— Довольно, — сказал То-Кихо. — Для чего он несет эту чушь? — И, топнув ногой, он встал, но Вивич положил ему руку на плечо и сказал:

— Пусть продолжает.

— Для чего я говорю все это? — воскликнул увлекшийся Журавлев. — Я честолобив. Мое имя останется в истории науки и в истории класса, с которым я связал свою судьбу. Но мне весело, весело, — вновь подчеркнул он, — видеть себя героем последнего исторического анекдота. Мне, скромному ученому, простому московскому обывателю, проживающему на Малой Никитской, 10, мне очень приятно стоять здесь перед вами, великими правителями половины мира, перед прославленными людьми, которые смотрят на меня, как ослы. Мне всерьез хочется, чтобы комсомольцы всего мира считали меня самым выдающимся из всех шутников, потому что я люблю веселье...

— Мы тоже, — ровным голосом сказал Вивич, — но сегодняшнюю дозу я считаю достаточной. Руки вверх! — добавил он, приставляя к глазам бинокль, вдруг оказавшийся у него в руках. — Руки вверх! Мы еще услышим от вас другие, более полезные для нас шутки.

— Тю-тю-тю! — пропел Журавлев. — Не волнуйтесь. Вы не знаете, как он устроен. Бьюсь об заклад, что вы уже выстрелили пять раз, потратив весь заряд вихревых патронов. А новые заряды ваши воры украсть не успели...

— Ну, тогда, — вскипел О'Ирн, — ступай в мир иной, бродяга! — И он взмахнул неуклюжей рукой, в которой мелькнул металл.

Прогремел выстрел.

— Дурак! — крикнул Вивич О'Ирну, а Бандиера подскочил к нему, крича:

— Что вы делаете? Что вы делаете?

В ту же секунду Журавлев, смеясь, выскочил в окно. Его белый балахон раздулся и показал спрятанный под ним парашют. Он медленно спускался, ветер свистел в ушах и дул снизу вверх. И тогда огромная башня правительства начала менять свой внешний вид — начала таять. Кольцо бинокля, который зарядил Журавлев, было повернуто как раз в нужный момент.

Спустившись вниз на пустую площадку, Журавлев бросился бежать изо всех сил, задыхаясь и кляня про себя тяжелый чемоданчик. Вдруг он остановился, оглянулся и свистнул. Тихий ответный свист раздался из-за пышно разросшегося кустарника. Журавлев направился туда, перепрыгнув через ров.

Почти сейчас же за кустами раздался гул, и самолет стройной узкой тенью взмыл вверх. Журавлев сидел в кабине один. Его путь лежал на север, к китайским берегам. Еще день — и он будет дома, на своей великой родине. Борис с Людмилой должны прибыть на несколько часов раньше. А через несколько дней они начнут большую техническую революцию. Журавлев задумался и даже закрыл на секунду глаза, утомленные бессонной, полной приключений и тревогой неделей. Но после быстро открыл их и начал готовиться к подъему. Он надел куртку и респиратор. Привязав шар с гелием, с помощью сложного механизма закрыл кабину, словом, проделал все, что за день до этого проделал человек, который увез Бориса. Аэроплан под почти прямым углом к земле поднимался вверх.

«Лишь бы не догнали...» — с внезапной тревогой подумал Журавлев, но тут же, улыбнувшись, прогнал от себя эту мысль. Действительно, догнать его не могли. Подобных воздушных стрел, летавших как ракеты со скоростью до тысячи километров в час, во всем мире было только три. В одной мчались Борис и Людмила, во второй летел он сам и третья осталась у изобретателя — техника-коммуниста, новозеландского жителя, потомка древнего племени маори, того самого смуглого, молчаливого ворчуна, что перевозил Людмилу и Бориса.

Журавлев прикрепил взрывные механизмы, дважды или трижды испытал силу взрывов и включил мотор.

Но что случилось? Взрывы становятся то сильнее, то вновь ослабевают, и тогда самолет мгновенно наклоняется носом вниз. Журавлева вдруг затошнило от этой качки. Вот взрывы снова застучали правильными тактами, а теперь делаются все тише и тише. Журавлев почувствовал, как кровь быстро прилила к голове и пульс тревожно забился, застучал, как молоточком, в ушах. Неужели он падает? Он хотел включить мотор, но услышал позади отрывистые, еле различимые звуки выстрелов и оглянулся. Далеко, на самом горизонте, с молниеносной скоростью приближаясь к нему, неслась такая же, похожая на мину, летательная машина, как та, на которой он спасался.

— Глупости, — громко сказал Журавлев и со злостью включил мотор. — Это — галлюцинация... Я устал.

Его самолет, расправив крылья, нырнул вниз и, выровнявшись, полетел вперед, однако значительно медленнее. Незвестный враг догонял его огромными прыжками.

Вот он уже совсем близко. Вдруг взрывы затихли и преследователь, также расправив зеленые прозрачные крылья, сбавил скорость и начал спускаться наперерез Журавлеву.

«Это не галлюцинация, это — предательство», — лихорадочно подумал Журавлев и, с грустью вспомнив о своем грандиозном изобретении и одновременно о Людмиле и Борисе, злобно и мрачно выругался. Но после упрямо нахмурил седоватые брови и, решительно раскрыв чемоданчик, достал бинокль.

— Погибать — так с музыкой! — сказал он и приготовился ждать, пока аэроплан, догнавший его, не спустится достаточно низко.

А враг уже кружил прямо над ним, как ястреб. И тогда Журавлева осенила новая идея.

Он спрятал бинокль, нащупал в кармане револьвер и стал спокойно следить за вражеским мотором. Единственной и главной задачей своей жизни Журавлев считал теперь попытку перебраться на машину врага и овладеть ею. А тогда — ищи ветра в поле. В настоящей «ракете» он до-

летит до Союза с такой скоростью, что никакой черт за ним не угонится. Только бы пробраться на вражескую машину, справиться с экипажем — там не может быть больше трех человек. Журавлев стиснул зубы.

В тот же миг он стукнулся подбородком о колени. Аэроплан сперва что-то с силой подбросило вверх, а затем начало плавно и осторожно поднимать. Раздался тихий звенящий стук, какой бывает, когда сцепляются буфера железнодорожных вагонов. Подняв голову, Журавлев увидел, что верхняя часть его аэроплана — вероятно, с помощью системы электромагнитов — оказалась притянута к железному кругу, подвешенному к вражеской машине. Теперь оба аэропланы летели вместе, друг над другом, точнее, один на другом.

«Хм... — меланхолично подумал Журавлев, — позиция для переезда на второй этаж не совсем удобная...»

Что-то стукнуло о борт его машины. Он поднял глаза и увидел провод с телефонной трубкой на конце. Трубка беззаботно, как детская игрушка, покачивалась и подскакивала, как будто сверху ее кто-то дергал.

— Попробуем, — рассмеялся Журавлев и, поймав трубку, крикнул в нее дурашливым голосом:

— Алло! Я вас внимательно слушаю! Какой рыжий черт на проводе?

И вдруг в ответ раздался приветливый и сконфуженный молодой голос:

— ...Послушайте, товарищ Журавлев, вы меня извините...

Журавлев, ничего не понимая, закричал:

— Кого? За что? По какому случаю? Что вы мне голову морочите?

— Пожалуйста, простите... Дело в том, что Гончи (так звали техника-изобретателя аэропланов-ракет) поручил отправить вас и оставил две машины — одну исправную, а вторую... такую, чтобы вас никто не смог догнать...

Но Журавлев уже не слушал. Он ревел и задыхался от восторга, размахивая руками над телефонной трубкой:

— Послушайте, эй, вы, молодой человек! Это вы перепутали машины?

— Да...

— И теперь полетели за мной, чтобы я не попался?..

— Да.

— Вы... вы чудо, вы лучший на свете юноша, вы просто архиихтиозавр какой-то, вы...

— Я... — удивленно сказал голос, — я спущу вам лестницу.

Журавлев легко вскарабкался по лесенке в исправную машину, сел у руля, крепко потряс руку молодому человеку, собиравшемуся спуститься вниз, и добавил:

— Вы... призрак ультрафиолета... до свидания...

— В мировом Советском Союзе! — ответил веселый голос, и Журавлев, посмотрев на компас, нажал рычаг.

Аэроплан понесся к границе Советского Материка.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

**и последняя, которая по уговору с читателем
заканчивается музыкой**

22 августа 1939 года в старинных стенах Политехнического музея, в одной из любимых московских аудиторий, еще дышавшей воспоминаниями о диспутах 1920 года, в тесноватом, слегка старомодном, но все еще привычном зале было неимоверно тесно и душно, несмотря на огромные вентиляторы. Люди стояли, сидели, висели, где только удавалось зацепиться. Толстые, расплываваясь, становились худыми, худые, спрессовываясь, делались плоскими, как камбала.

На московские улицы мягкими шагами сходили сумерки. Было семь часов. И во всем мире тысячи, сотни тысяч и

миллионы людей, вспомнив в эту минуту что-то особенно важное, бросали свои повседневные дела и поскорее хватали наушники.

Ровно в семь часов огромные толпы людей — больших, маленьких, умных, глупых, добрых, злых, веселых, грустных — сидели тихо и настороженно, соединенные общим любопытством с единой волной Великого Коминтерна. Ровно в семь человеческая каша, наполнявшая аудиторию Политехнического музея, перестала наконец шевелиться и кипеть.

Ровно в семь должен был начаться доклад о событии, которое уже в течение двух дней волновало советский мир отрывочными сообщениями — доклад о великом изобретении Журавлева.

Огромные афиши, разнесенные радиоволнами во всем уголкам света, и маленькие оповещения с надписью «Лично», разосланные по пневматической почте выдающимся ученым и любимым вождям — все они говорили об одном и том же:

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕРНУТ ТЕХНИКУ

29-го в семь часов вечера состоится доклад о последнем этапе крупнейшего из технических изобретений нашего времени — о последних боях войны за победу над атомом. Изобретение принадлежит ассистенту Московского университета, инженеру РЭТ тов. Д. Ф. Журавлеву. В заседании будут участвовать (здесь перечислялось несколько имен виднейших физиков Союза) и товарищи, принимавшие активное участие в событиях, связанных с работой над изобретением (далее упоминались имена Людмилы, Бориса, Зоре и Гончи; имени Журавлева не было).

Президиум т-ва «Побежденный атом»

Ровно в семь на высокую трибуну притихшей аудитории ступил седой, но стройный и нарядный старик с лихими пышными усами. Это был один из всемирно известных физиков. Он взволнованно посмотрел в зал и произнес:

— Товарищи! Мы не знаем, что произошло с изобретателем, чье имя благословляет человечество — с нашим гениальным другом Д. Ф. Журавлевым. Он отправился к заклятым врагам Союза — в капиталистические Штаты. С необычайной смелостью он добыл там то, что позволяет нам отметить этот праздник революции в технике, с помощью своих молодых помощников он переслал материалы нам, старшим по возрасту товарищам, но сам пока не вернулся. Будем верить, что ему удастся вырваться из фашистского лагеря, доживающего последние дни.

В зале раздались редкие аплодисменты, но со всех сторон зашикали:

— Шшш ... не мешайте — слушайте ...

Оратор продолжал:

— О самом изобретении мы расскажем потом, но сейчас мы хотим сохранить в летописях науки рассказы о тех девяти днях, которыми завершилась победа над атомом. Эту огромную победу над природой подготовили многолетние исследования, но навсегда запомнятся как исторические те дни, что решили судьбу этих исканий и передали изобретение в руки социализма. Слово предоставляется студентке физико-математического факультета, товарищу Людмиле Чудновской.

И вся аудитория увидела, как откуда-то сбоку к столу президиума подошли четверо. Трое из них — высокий подстриженный юноша в только что отглаженных коротковатых брюках, красивый улыбающийся негр и смуглый невысокий человек с удивленным лицом — сели на стулья. Четвертая — Людмила Чудновская — легко взошла на трибуну. В одном из задних углов аудитории раздались одиночные, но громкие аплодисменты и чей-то молодой голос крикнул:

— Браво, Людмила!

Резкая морщинка разделила сдвинутые брови Людмилы, и она не улыбнулась в ответ на этот дружеский голос.

— Товарищи, — сказала она, — без Дмитрия Феоктистовича, который сам все это придумал и сделал, мне не очень-то весело говорить о тех глупостях, хотя и довольно

интересных, что произошли с нами. Но меня просили об этом. Я расскажу все очень коротко. Сейчас вам покажут плакат. Там будет изложено все, что произошло за эти девять дней. Я буду рассказывать и давать объяснения. А о всяких там впечатлениях и переживаниях нечего разводить. Могу только сказать, что меня поразила абсолютная политическая неграмотность некоторых слоев населения.

— Эх ты, — сказал кто-то из задних скамеек, и в голосе послышалось веселое сочувствие.

— Дайте плакат, — обратилась Людмила куда-то угол, и белый треугольник света нашел в темноте экран.

На нем запрыгали и затем остановились большие черные буквы. Это был перечень последних событий и происшествий, случившихся в ходе борьбы за атом.

Вот вкратце то, что поведал экран и объяснила грустным, усталым голосом Людмила:

9 августа

Журавлев уходит из квартиры. Самилла похищает бинокль. Людмила отслеживает Самиллу.

10-11 августа

Разрушено здание английского посольства. Журавлев исчезает и едет в Феодосию. Встреча с Борисом и профессором. Самилла с пленницей летит на аэроплане в Новую Зеландию.

12 августа

Журавлев перелетает границу. Заседание Кабинета. Испытывают бинокль. Допрос Людмилы.

14 августа

Журавлев и Борис в Риме. Журавлев оставляет Бориса и просит Франца встретить Бориса. Борис у Бандиеры. Встреча Бориса и Франца. Журавлев, переодетый Шнейдером, у Бандиеры. Людмила просыпается в тюрь-

ме. Встреча с Сусанной.

15 августа

Журавлев (под видом Шнейдера), профессор и Самилла посещают Людмилу в тюрьме. Журавлев оставляет Сусанне записку, где просит, чтобы та вызвала Самиллу и помогла Людмиле бежать. Путешествие на завод. Журавлев похищает полуфабрикаты изолятора. Бегство Людмилы, прибытие на место казни. Непонятное спасение Зоре, упавшего с большой высоты.

Но здесь Людмилу кто-то неожиданно перебил.

Чей-то радостный голос спокойно спросил:

— Почему же непонятное? Стальная башня, переходя из одного состояния в другое, превратилась в так называемый аргон, в тяжелый газ. В этом газе человеческое тело может, очевидно, плавать, как на воде. Газ, оседая, медленно потянул за собой и Зоре...

— Дмитрий Феоктистович! — дико вскричала Людмила и, забыв обо всем, бросилась в сторону голоса.

— Журавлев!.. Журавлев!.. — раздалось в толпе. И действительно — скромная фигура в неизменном белом балахоне быстро протискивалась из какого-то темного угла к сцене.

— Журавлев вернулся! Слава Журавлеву! Приветствуем! — слышались отдельные возгласы, и через секунду вся аудитория стоя вытягивала шеи, аплодировала и кричала, встречая нашего героя оглушительным ревом.

И во многих тысячах разбросанных по всему миру комнат можно было наблюдать странное явление: люди с наушниками на голове, забыв, где находятся, вскакивали со стульев и наполняли воздух пустой комнаты приветственными возгласами.

— Слава! Слава! Привет Журавлеву!

А Журавлев, зажав уши, уже забегал по сцене. Он крепко и твердо пожал руки членам президиума и, взбежав на трибуну, поднял обращенную к зрителям ладонь. В аудито-

рии постепенно воцарилась тишина.

— Итак, — громко сказал Журавлев и обернулся к Людмиле. — На чем же это мы остановились?

— На нем, — ответила раскрасневшаяся Людмила и показала рукой на Зоре, что его лицо излучало сияние доброты и счастья.

Журавлев посмотрел на экран и начал дальше скороговоркой, желая, видимо, поскорее покончить с рассказом.

15 августа

...Людмила и летун вылетают с Зоре в Италию. Фашисты стреляют в Бориса и Антонио.

16 августа

Журавлев в потайной лаборатории спешно проверяет похищенные материалы. Людмила приезжает в Рим. Зоре уничтожает биноклем памятник Муссолини и этим условным знаком вызывает Бориса на аэродром. Встреча Людмилы и Бориса...

В этом месте рассказа Людмила почувствовала, что на нее кто-то на нее смотрит. Она оглянулась и, увидев Бориса, кивнула ему головой. Борис медленно, но не опуская глаз, склонил в ответ голову, и их взгляды, встретившись, завязались в узелок.

... Борис летит к Журавлеву.

17 августа

Журавлев рассказывает Борису, как устроен аппарат, и поручает ему отвезти несколько пакетов с изоляторами в Советский Союз. Борис вылетает.

18 августа

Борис прилетает в Италию. Делится пакетами с Людмилой и оба различными путями, через разные места

границы попадают в Советский Союз. Все.

— Нет, — возразил плакату Журавлев, — не совсем все, — и он рассказал о том, как профессор узнал его, как была разрушена башня правительства, как ему достался испорченный аэроплан, — при этих словах Гончи встал, вздрогнул и снова сел на место, — как он сперва долетел до китайской границы, а затем, раздумав, вернулся в Италию, Турцию, Америку, как были уничтожены главные склады оружия и взрывчатых веществ Правительства Штатов...

Неудержимый гул восхищения прервал Журавлева, но он снова сделал жест рукой и закончил рассказом о том, как некоторые склады захватил восставший тут и там пролетариат и как сам он оставил капиталистический мир, который занялся сразу с нескольких концов.

— Товарищи, — сказал Журавлев, — я надеюсь, я убежден, что на этот раз ослабевшее войско Кабинета не сумеет задушить восстание и вскоре весь мир сможет радостно запрячь атомы на огромную работу по переработке всей нашей жизни!

Тут Журавлев вдруг обернулся и посмотрел на председателя собрания.

— Скажите, — обратился он к председателю, — вы приготовили демонстрацию получения энергии?

— Да, — вежливо ответил тот и показал на большую темную коробку в глубине сцены, от которой шел провод к столу.

— Станции прекратят работу?

— Три четверти всех московских и окружных будут отключены.

— Изоляция проверена?

— Да.

— Железные стружки?

— Есть.

— Хорошо, — сказал Журавлев, обращаясь к притихшим зрителям. — Прекрасно. Сейчас из этого мелкого кусочка железа, — он поднял железную крошку, — мы за минуту добудем столько энергии, что она сможет двигать москов-

ские заводы, освещать, согревать и выполнять всю работу всех московских электростанций.

Зрители еще не успели осознать всей грандиозности этой цифры, как Журавлев уже стоял у изоляционной коробки, поворачивая кольцо.

— Трррррррррр, — зазвонил в тишине телефон. Председатель подошел к трубке.

— Что? МОГЭС? Отключили?..

Он оторвался от трубки и посмотрел на Журавлева преданными глазами.

— Дмитрий Феоктистович, машины МОГЭС отключены.

В это время затрещал еще один телефон, и еще...

— Шатурка?

— РЭТ?

— Станция электрической железной дороги?

Ряд станций был отключен, но свет горел, трамвай пел свою монотонную песенку, заводы работали.

И тогда в сосредоточенной аудитории Политехнического музея зазвучали новые слова, сказанные необычным, взволнованным, мягким, пробиравшим до самого сердца своей дрожью голосом:

— Дорогие товарищи!

Это говорил Журавлев:

— Дорогие товарищи! Я не умею говорить разные высокие слова. Я значительно лучше умею ругаться. Но в эти минуты мне хочется вслух помечтать перед моими товарищами по социализму о том, о чем я мечтал долгие годы и что теперь в недалеком будущем станет явью.

Так вот, я приготовил серию лозунгов, которые выражают мои мечты. Название серии — «Атом в упряжке».

И, склонившись над своим чемоданчиком, Журавлев достал пачку стеклянных пластинок, подошел к стоявшему сбоку проекционному фонарю и вставил в него одну из пластинок. На экране появились огромные буквы:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДВУХЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ
ДЕНЬ

Раздались возгласы, кое-где послышался смешок, но Журавлев не повернул головы.

АТОМ ДАЕТ ЭНЕРГИЮ, МАШИНА РАБОТАЕТ

— А люди? — закричал кто-то почти злорадно.

ЧЕЛОВЕКУ ОСТАНЕТСЯ ТВОРЧЕСТВО

— появилась на экране надпись и сразу же сменилась новым лозунгом:

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ ЛЮДИ СДАДУТ ДВЕ ТРЕТИ
СВОЕЙ РАБОТЫ МАШИНЕ

Кто-то тихо присвистнул, но свист сразу же заглушила буря аплодисментов.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СССРТ

— Что это такое?

Союз Советских Социалистических Республик
Творчества

И вслед за этим, не давая опомниться, световыми выстрелами закричали новые и новые слова:

СОЗДАДИМ ОБЩЕСТВО МЕЖПЛАНЕТНОГО
СООБЩЕНИЯ

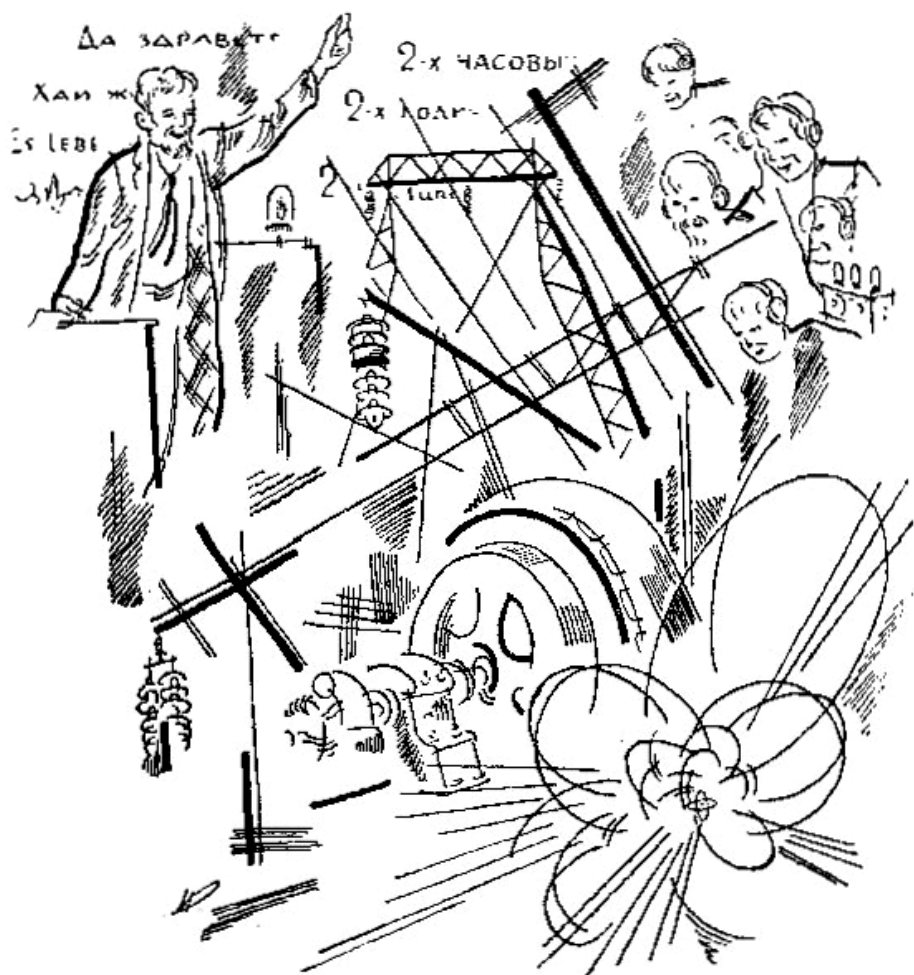
ВСЕОБЩЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ

ЗАСАДИМ БАНАНАМИ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

УДАРНАЯ ЗАДАЧА — УБИТЬ ТУБЕРКУЛЕЗ

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ СЧАСТЬЯ

ФУТБОЛ НА ЛУНЕ

— Мы за минуту добудем столько энергии, что она сможет двигать московские заводы...

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ВОПРОСУ
ПОСЕВА КОРМОВОЙ СВЕКЛЫ НА МАРСЕ

ИЗМЕНИМ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

УЗНАЕМ ТАЙНЫ ВЕЩЕСТВА И ЖИЗНИ

ДОЛОЙ СКУКУ! ДОЛОЙ СКУКУ!

Но тут Журавлев остановился и удивленно поднял глаза. Рядом стоял и ласково смотрел на него известный на весь мир человек с большим тонким лицом, колючими лукавыми усами и бородкой и внимательным, слегка изогнутым, длинным носом.

— Что, товарищ Чичерин? — спросил Журавлев и уважительно, но просто подал руку.

— Новости, важные новости, хорошие новости, — сказал Чичерин и взошел на трибуну. — Товарищи! — воскликнул он и остановился. Зал замер. — В нашем комиссариате у смены радистов есть почетная и ответственная обязанность. Они... они слушают джаз-банд, которым во

все стороны оцетинился капиталистический мир. Но сегодня эта блокада прорвана, сегодня мы услышали из-за стен рушащегося фашистского лагеря голоса наших союзников. Полчаса назад сквозь джаз-банд прорвалась славная песня пролетариата — «Интернационал».

— Да, — весело сказал Журавлев Людмиле, — не моя ли это пластинка? Я ее на всякий случай оставил в Новой Зеландии.

Но Людмила ничего не ответила и встала. Встал и Журавлев. Весь зал взволнованно и единодушно поднялся на ноги, не слушая то, что пытался дальше сказать народный комиссар иностранных дел. Подчиненные большой общей воле, напряженные и дрожащие, как струны какого-то огромного инструмента, люди пели боевые слова старой песни революционеров и коммунистов. Пели все. Пел, стоя и сверкая глазами, юноша-индус с наушниками на голове за десять тысяч верст от Москвы, пел, стоя плотной толпой перед громкоговорителем, народ на бульваре немецкого города, пел вместе со всем классом дед-татарин, учитель сельской школы в глухом захолустье, пел под отцовским взглядом, вспыхнувшим от воспоминаний, трехлетний октябренок у радиотелефона, пели ученые, стоя за столом президиума и глядя в темный, переполненный звуками зал, пел Зоре, сверкая зубами и вспоминая своих мадагаскарских братьев, пел летчик и механик Гончи, и лицо его светлело, а кулаки сжимались крепче, пели звонкими молодыми голосами, взявшись за руки, Борис и Людмила, старательно и фальшиво пел сам Дмитрий Феоктистович Журавлев... Склонив голову, неся он по огромным волнам гимна, будто продолжая свое неутомимое путешествие. Вот — волны стали спокойнее и тише, глуше и отдаленней размеренное пение... И после сорока бессонных часов Журавлев крепко сомкнул веки и, не слыша хора всего земного шара, тихо сказал счастливыми улыбающимися губами:

— Хорошо, тара-тара-тири.

Перевод выполнен по первоизданию (Харків: Держвидав України, 1929). Оригинальный текст книги был возвращен читателям Я. Цимбал и В. Настецким и опубликован на сайте «Аргонавти Всесвіту» (<http://argo-unf.at.ua/>).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.